

Константин Казенин
**Дагестанские народы Азербайджана. Политика, история,
культура**

Михаил Алексеев, Константин Казенин, Мамед Сулейманов
**Дагестанские народы Азербайджана. Политика, история,
культура**

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУДЬБА национальных меньшинств складывается в последние десятилетия по-разному. Некоторые из них оказались в центре многосторонних политических конфликтов, в ходе которых названия народов, ранее не известные широкой публике, прочно обосновались на первых полосах ведущих газет мира. Другие, напротив, остались на «периферии» и, кажется, не имеют никаких точек соприкосновения с мировой политикой. Даже малосведущему наблюдателю очевидно, что выбор первой или второй судьбы зависит не только от устремлений самого народа и даже не только от того, в какой мере в действительности соблюдаются его права как нацменьшинства. Едва ли не большую роль играет здесь политическая конъюнктура. А она меняется с течением времени. И те меньшинства, которые сейчас как будто обречены на забвение, завтра могут невольно оказаться в круговороте событий, имеющих первостепенное значение для целых мировых регионов.

После распада СССР в положении меньшинств в новообразованных государствах оказалось довольно много народов. Не стало исключением и Закавказье. Однако здесь на фоне острейших кровавых конфликтов – абхазского, карабахского, юго-осетинского – проблемы азербайджанцев и армян в Грузии, талышей и дагестанцев в Азербайджане оказались в тени. В 1990-е годы, даже если вокруг этих этнических групп возникала напряженность, она, в целом, оставалась внутренней проблемой соответствующего государства, малоинтересной для основных геополитических игроков на Кавказе. В начале XXI века ситуация стала меняться. Сегодня уже, пожалуй, все эксперты признают, что судьба армян, требующих автономии в грузинской области Самцхе-Джавахети, может стать серьезной проблемой межгосударственной политики. Каким еще закавказским нацменьшинствам грозит «политизация» – сказать трудно. Однако очевидно, что сегодня нельзя верно представить себе ситуацию в регионе, не учитывая проблемы меньшинств.

* * *

Азербайджан – многонациональное государство. Самым пестрым является национальный состав северной части страны, где наряду с азербайджанцами проживают народы нахско-дагестанской семьи. Наиболее многочисленны из них в Азербайджане лезгины, аварцы и цахуры.

Лезгины, по данным последней советской переписи населения 1989 года, насчитывали в Азербайджане 171,4 тысячи человек, или 2,4 % населения республики. По данным переписи населения Азербайджана, проведенной в 1999 году, лезгин было 178 тысяч, или 2,2 % населения. При этом если в 1989 году лезгины были четвертым по численности народом республики, уступая, помимо азербайджанцев, русским и армянам, то в 1999 году они оказались вторым по численности народом, причиной чему была эмиграция русского и

армянского населения. Лезгины компактно проживают в северо-восточных районах Азербайджана, в бассейне реки Самур и на восточных отрогах Большого Кавказа. Наиболее велика их численность в Кусарском районе, где лезгины составляют 90,7 % от всего населения – 73,3 тысячи человек, что, в свою очередь, равно 41,2 % всего лезгинского населения Азербайджана. В соседнем Хачмазском районе живет 26 тысяч лезгин, почти столько же – в Габалинском районе. Значителен процент лезгинского населения также в Кубинском, Исмаиллинском и Гейчайском районах. В столице Азербайджана Баку, согласно переписи 1999 года, проживает 26,2 тысячи лезгин.

Аварцы живут на северо-западе страны, в Белоканском и Закатальском районах. По переписи 1989 года, их было 44,1 тысячи человек. По данным же 1999 года, их численность составила 50,9 тысячи человек, или 0,6 % населения республики.

Цахуры – народ, близкородственный лезгинам – живут также в основном на северо-западе, в Закатальском и Кахском районах. По данным переписи 1989 года, в Азербайджане их было 13,3 тысячи человек. Десять лет спустя их численность достигла 15,9 тыс. чел., или 0,2 % населения республики. По данным переписи 1999 года, численность цахуров в Закатальском районе составила 12,9 тыс. чел., в Кахском – 2,9 тыс. чел.

Три перечисленных народа представлены также и в Дагестане. Лезгины и цахуры разделены возникшей в 1991 году государственной границей на две примерно равные по численности части. Что же касается азербайджанских аварцев, то они составляют не более 10 % общей численности аварского народа.

В основной своей массе дагестанцы в Азербайджане представляют собой сельское население. По данным азербайджанской переписи 1999 года, среди лезгин доля проживающих в сельской местности составляет 63,3 %, среди аварцев – 92,1 %, среди цахуров – 83 % (в Дагестане доля сельского населения, по крайней мере среди лезгин и аварцев, заметно ниже).

Есть, однако, и такие народы нахско-дагестанской семьи, которые практически не представлены в самом Дагестане. Это малые по численности этносы, близкородственные лезгинам – крызы, хиналугцы, будухцы, удины. Первые три народа проживают в Кубинском районе (так называемый Шахдагский ареал, который охватывает несколько компактно расположенных селений этого района), их родина – высокогорье, однако значительная их часть переселилась на равнину. Удины живут в селе Нидж Габалинского района. Согласно переписи 1989 года, удинов в Азербайджане было 6125 чел. Перепись 1999 года зафиксировала 4465 удинов в Габалинском районе и около 100 – в Кахском районе. Другие малочисленные народы в переписях 1989 и 1999 годов отражены не были. По оценкам специалистов, их общая численность не превышает 10 тысяч человек.

Еще один дагестанский народ – лакцы – в Азербайджане проживает в основном в крупных городах – Баку и Сумгаите; места компактного расселения этого народа находятся исключительно в Дагестане.

Отдельного изучения требует вопрос о численности в Азербайджане рутульцев – дагестанского народа, родственного лезгинам. В Рутульском районе Дагестана устные источники сообщают о большой численности рутульцев в Шекинском и Кахском районах Азербайджана. По данным последней советской переписи, рутульцев в Азербайджане было 850 чел., а в переписи 1999 года они отражены не были.

Почти все перечисленные выше народы живут также и в России и считают Россию наряду с Азербайджаном своей родиной или частью некогда единой родины. Кроме того, даже тогда, когда проблемы азербайджанских дагестанцев совершенно не интересовали российских и азербайджанских политиков и дипломатов, эти проблемы составляли заметную часть политической «повестки дня» в Дагестане – одном из самых беспокойных и стратегически важных регионов России. Наконец, многие события первой половины 1990-х годов показали высокий конфликтный потенциал районов Азербайджана, где проживают дагестанцы. Не допустить возгорания там новых конфликтов – задача всех сил, так или иначе имеющих отношение к Кавказу. Но чтобы выполнить эту задачу, надо, по крайней мере,

иметь достаточное представление о положении дел на «угрожаемой» территории.

Настоящая брошюра – попытка собрать воедино сведения о дагестанцах, проживающих в Азербайджане, в первую очередь те сведения, которые могут быть политически значимы. В первой главе (написанной К. И. Казениным) кратко излагаются основные вехи истории дагестанских народов Азербайджана с момента распада СССР по 2005 год. В главе второй (написанной К. И. Казениным и М. Сулеймановым) рассказывается о дагестано-азербайджанской границе как одном из основных факторов, генерирующих напряженность в регионе. Глава третья (написанная тремя авторами совместно) посвящена политике властей Азербайджана в отношении образования, языков и культуры дагестанских народов. Наконец, четвертая глава (написанная М. Е. Алексеевым) предлагает своего рода этнокультурный путеводитель по дагестанским народам, проживающим ныне в Азербайджане.¹

ГЛАВА 1 **Дагестанские народы в новейшей истории суверенного** **Азербайджана**

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ДАГЕСТАНСКИХ МЕНЬШИНСТВ **АЗЕРБАЙДЖАНА**

РАСПАД СССР ПРИВЕЛ к ощутимым последствиям для дагестанских народов, населяющих северные районы Азербайджана. Со времени включения нынешнего Азербайджана в состав Российской империи и вплоть до 1991 года территория их проживания никогда не была разделена государственной границей. Возникновение ее сильнее всего ударило по лезгинам. Этот народ проживает в северо-восточных районах Азербайджана, непосредственно примыкающих к той части Дагестана, которая также населена лезгинами. Под властью Российской империи и СССР существовал практически единый ареал расселения лезгин, лишь условно разделенный границей РСФСР и Азербайджанской ССР (а ранее – границей Дагестанской и Бакинской губерний) по реке Самур. После обретения Азербайджаном независимости эта граница стала совершенно реальной, и от того, какой режим на ней установлен властями России и Азербайджана, существенным образом стала зависеть жизнь «разделенного» лезгинского народа. Жесткий режим на границе, которую некоторые авторы называли «лезгино-лезгинской», означал обрыв многочисленных не только хозяйственных, но и родственных связей. Встала и одна более локальная, но важная для ведения сельского хозяйства проблема – распределение воды реки Самур для орошения земель в Дагестане и в Азербайджане.

Для аварцев и цахуров, проживающих в северо-западной части Азербайджана, возникновение государственной границы само по себе не имело столь фатальных последствий. Их зона расселения хотя и примыкает к Дагестану, но отделена от него высоким в той местности Большим Кавказским хребтом, поэтому говорить о существовании какой-то единой этнической общности, которую бы разделила государственная граница, в данном случае не приходится. Однако первые годы существования независимого Азербайджана вызвали крутой перелом в судьбе и этих дагестанских народов. Исторически многонациональные Закатальский и Белоканский районы столкнулись с политикой тотальной «тюркизации», проводимой протурецким Народным фронтом Азербайджана, правившим страной в 1992–1993 годах, при президенте **Абуль-фазе Алиеве (Эльчибее)**.

В начале 1990-х годов было как минимум два фактора, которые работали на обострение межэтнических противоречий в Северном Азербайджане.

Во-первых, рост национального самосознания коренных народов самого Дагестана.

Даже проживающие в Азербайджане аварцы, отделенные от своих дагестанских сородичей Большим Кавказским хребтом, осознавали единство с теми, кто участвовал в создании национально ориентированных аварских организаций в Дагестане.

Во-вторых, религиозный фактор. Этнические азербайджанцы по вероисповеданию – мусульмане-шииты, тогда как дагестанцы в подавляющем большинстве мусульмане-сунниты. Впрочем, в первые годы после исчезновения СССР этот древний раскол ислама мог сыграть заметную роль лишь в тех районах Азербайджана, где живут аварцы: данный народ на протяжении советских времен сохранил довольно мощную исламскую традицию, выведенную из религиозного «подполья» в конце 1980-х годов. У лезгин исламский фактор, по единодушной оценке специалистов, играл меньшую роль, хотя в 2000-е годы лезгинско-азербайджанские осложнения, по оценкам дагестанских СМИ, уже имели и религиозную подоплеку (см. ниже).

«Лезгинский вопрос» в Азербайджане с начала 1990-х годов был связан в первую очередь с лезгинской национальной организацией «Садвал» («Единство»). В интервью бакинской газете «Зеркало» 25 августа 2004 года один из нынешних лидеров «Садвала» **Нияз Примов** сообщил, что эта организация «зародилась в начале 1960-х годов в студенческой среде Дагестана». Как политическая сила «Садвал» выступил сразу после распада СССР.

Официальную регистрацию организация получила в Минюсте Дагестана 9 июля 1993 года, в 1995 году регистрация была подтверждена Управлением Минюста РФ по Дагестану. Основным требованием, выдвигаемым «Садвалом», было соблюдение прав лезгин в процессе «раздела» Союза. При этом конкретные пути решения «лезгинского вопроса» предлагались разные – от учреждения лезгинских автономий в России и Азербайджане до радикального варианта создания единого «Лезгистана». Эти разные варианты объединялись общим пафосом – желанием преодолеть статус лезгин как «разделенного» народа. Лозунг «Садвала» – «За родину лезгин!» – так или иначе предполагал преодоление сложившегося в начале 1990-х положения вещей. Первым руководителем «Садвала» стал профессор физики из Махачкалы **Гаджи Абдурагимов** (он был избран секретарем исполкома «Садвала» на учредительном съезде этой организации в июне 1990 года). В руководстве «Садвала» состояли и состоят в основном представители Дагестана, а не северных районов Азербайджана.

Активную деятельность в Дагестане «Садвал» начал в 1989–1990 годах. В октябре – ноябре 1990 года состоялись I и II съезды «Садвала», на которых были приняты Устав движения, Декларация и Обращение к народам Дагестана. В обращении этих съездов содержалась просьба к народным депутатам республики подтвердить право лезгинского народа на самоопределение, создать комиссию по изучению вопроса о выработке механизма воссоединения лезгинского народа и уточнению границ двух республик. Депутатов также призывали воздержаться от принятия Декларации о суверенитете до положительного решения лезгинского вопроса, а также не согласиться с принятием Декларации о суверенитете Азербайджана как нарушающей конституционные права лезгинского народа и узаконивающей разделение данного народа.

III съезд «Садвала», называвшийся также Съездом лезгинского народа, прошел в дагестанском поселке Касумкент 28 сентября 1991 года. На съезде была принята декларация «О восстановлении государственности лезгинского народа». В ней было подчеркнуто, что осуществление этой задачи возможно только «законным путем». На съезде был избран Лезгинский национальный совет, который в соответствии с разработанным положением является «полномочным представителем лезгин в отношениях с вышестоящими органами власти и управления». Хотя в руководстве «Садвала» ни в тот период, ни когда-либо позднее не состояли высокопоставленные дагестанские чиновники, можно сказать, что позиция движения была тогда в значительной мере поддержана официальной Махачкалой: 31 июля 1992 года Верховный Совет Дагестана принял решение о нецелесообразности установления границы между Республикой Дагестан и Азербайджанской Республикой.

IV съезд «Садвала» проходил в ноябре 1993 года. К тому времени в руководстве лезгинского движения появился вышедший незадолго до этого в отставку генерал-майор **Мухуддин Кахриманов** (ныне председатель Совета старейшин «Садвала» и глава дагестанского отделения Народной партии «Патриоты России»). Съезд был попыткой объединить максимальное число лезгинских организаций Дагестана, других регионов России, а также Азербайджана.

В политическом отношении была подтверждена линия, сформулированная на предыдущем съезде. Стоит отметить, что 1993 год был пиком влияния национальных движений в Дагестане, и съезд «Садвала» тогда даже почтили своим присутствием некоторые федеральные политики. По данным Э. Кисриева [Кисриев 1999], на съезде была достаточно сложная борьба за влияние в лезгинском национальном движении. Генерал Кахриманов делал на съезде основной доклад, однако не был избран главой (председателем Национального совета) «Садвала». Эту должность занял врач-хирург из города Дербент (Южный Дагестан) **Нариман Рамазанов**.

В начале 1990-х годов «Садвал» пользовался активной поддержкой лезгинской научной и творческой интеллигенции в Махачкале. Большую роль в лезгинской национальной идеологии, вырабатывавшейся в то время, играла концепция Кавказской Албании (государства, существовавшего на территории нынешних Южного Дагестана и Азербайджана в первых веках новой эры) и лезгин как потомков ее обитателей. Многих лезгинских авторов в 1990-е годы вдохновляла и предполагаемая тесная связь Кавказской Албании с армянской культурой. Известный лезгинский поэт **Арбен Кардаш** так описывал мысленную встречу с далеким прошлым своего народа: «Не ристалищ конский топот, / Шум и грязь, / Я великого Месропа / Слышал вязь» (имеется в виду создатель армянской письменности **Месроп Маштоц**).

Переломный момент в истории «Садвала» наступил в 1994 году, после взрыва 19 марта в бакинском метро, на станции «20 Января», в результате которого погибли 14 и были ранены более сорока человек. По версии следствия, с которой согласился и азербайджанский суд, теракт был организован спецслужбами Армении, а исполнен активистами «Садвала». В приговоре суда значится, что спецслужбы Армении установили контакт с представителями «Садвала» в 1992 году с целью осуществления терактов на территории Азербайджана. В апреле 1992 года, по этой версии, 17 активистов «Садвала» проходили обучение по ведению диверсионных операций в поселке Лусакер Наирийского района Армении. После этого в марте 1994 года ими и был произведен взрыв в бакинском метро. Затем 3 июля 1994 года в Бакинском метрополитене, между станциями «28 Мая» и «Гянджлик», произошел еще один теракт, тогда погибли 13 и были ранены 42 человека. Согласно данным правоохранительных органов Азербайджана, данный теракт был совершен **Азером Салман оглы Аслановым**, жителем Баку, лезгином по национальности, бывшим офицером азербайджанских вооруженных сил, который, находясь в армянском плену, в 1994 году был завербован спецслужбами Армении. Позднее азербайджанские СМИ не раз писали и о том, что заказчиками терактов в метро якобы были лично руководители «Садвала».

Отметим, что армянские источники категорически отвергают причастность Армении к взрывам в бакинском метро. Например, в 2004 году на страницах армянской газеты стран СНГ «**Ноев ковчег**» представитель «Садвала», выступая под псевдонимом, рассказал, что в первой половине 1990-х годов «садвалисты» действительно выезжали в Армению, но единственной целью их поездок было облегчение участи лезгин, мобилизованных в армию Азербайджана и попавших в плен на карабахской войне. (Надо отметить, что, по данным дагестанских СМИ, дагестанцы из северных районов Азербайджана приняли достаточно активное участие в карабахской войне, в первую очередь в 1992–1994 годах, когда проводилась мобилизация в азербайджанскую армию. Так, дагестанский аналитик **Марко Шахбанов**, специализирующийся по югу республики, утверждает, что в 1992 году 20 % офицеров в азербайджанских частях, сражавшихся в Карабахе и вокруг него, составляли лезгины.)

Так или иначе, с 1994 года для «Садвала» в Азербайджане наступила полоса репрессий. В общей сложности по делам о взрывах в метро в Азербайджане были осуждены более 30 граждан лезгинской национальности. Новые аресты прошли в 1998 году. В списке азербайджанских политзаключенных, обнародованном в апреле 2005 года правозащитниками **Лейлой Юнус** и **Эльдаром Зейналовым**, значатся 14 членов «Садвала». (В № 39 за 2005 год дагестанский еженедельник «**Черновик**» опубликовал письмо жителя Магарамкентского района Дагестана, назвавшего себя членом «Садвала». По его данным, число лезгин-политзаключенных в Азербайджане доходит до 45 – просто те, кто не вошел в список Юнус и Зейналова, якобы формально осуждены по уголовным статьям.)

Отметим, что позднее «садвалисты» были обвинены и в ряде преступлений, совершенных до взрывов в бакинском метро. Так, в 1998 году семь жителей Кусарского района лезгинской национальности были приговорены к лишению свободы на сроки от 8 до 15 лет по обвинению в нападении в 1993 году со стороны Дагестана на азербайджанскую погранзаставу, в ходе которого один офицер погиб, а двое солдат получили ранения. По версии правоохранительных органов, нападавшие ставили целью насильственным путем создать Республику Лезгистан на севере Азербайджана. Также в 1994 году – как утверждают дагестанские СМИ, втайне от родственников – за разжигание межнациональной розни был осужден на 4 года сотрудник информационного центра «Садвала» **Наби Мигралиев**.

Суды над «садвалистами» были составной частью мероприятий по предотвращению распада Азербайджана, проводимых утверждавшимся во власти **Гейдаром Алиевым**. Напомним, что в первый год его правления была также арестована группа политиков, боровшихся за создание «Талыш-муганской автономии» на юге страны, а лидер «талыш-муганцев» **Аликрам Гумбатов** был приговорен к пожизненному заключению (в настоящее время освобожден и проживает в Западной Европе). Меры по укреплению территориальной целостности страны были, очевидно, необходимы для выживания Азербайджана на фоне потери им Нагорного Карабаха и прилегающих районов. Напрямую повлиять на ситуацию в «лезгинских» районах Северного Азербайджана разгром «Садвала», с 1994 года называемого в азербайджанской прессе исключительно «террористической организацией», не мог: до 1994 года эта организация не сумела создать там для себя широкую базу поддержки.

После 1994 года и до сегодняшнего дня «Садвал», официально запрещенный в Азербайджане, никак самостоятельно не фигурирует в политике этой страны. (Впрочем, официальные азербайджанские источники по сей день обозначают эту организацию как источник потенциальной угрозы. Например, в 2002 году депутат милли меджлиса (парламента) Азербайджана **Захир Орудж** заявил в СМИ, что «Садвал» «ведет антипропаганду против азербайджанского языка», пользуясь при этом покровительством «определенных кругов в России».) Одновременно в Азербайджане стимулируется деятельность лояльного Баку лезгинского культурного общества «**Самур**». Во время празднования десятилетия этого общества в 2002 году его председатель, доцент кафедры дорог и мелиорационных машин Азербайджанского университета архитектуры и строительства **Мурадага Мурадагаев**, заявил, что общество сыграло важную роль в разладе сепаратистской организации «Садвал»: «Нам удалось сломать хребет сепаратистов, которые представляли нам карту Лезгистана. Сейчас „Садвал“ потерял свое влияние в Азербайджане».

В Дагестане после 1994 года история «Садвала» складывалась не менее драматично. В 1995 году эта организация активно выступала против ужесточения режима на азербайджанско-дагестанской границе, связанного с первой чеченской войной. Члены «Садвала» провели в Южном Дагестане большое количество пикетов с требованием разрешить лезгинам пересекать границу. В апреле 1995 года решением Правительства РФ отдельные ограничения на границе были сняты, однако касались послабления только жителей приграничных районов. Лезгины, проживавшие, например, в Махачкале, по-прежнему были лишены возможности навещать своих родственников в Северном

Азербайджане.

В 1995–1996 годах в Дагестане прошло несколько конференций «Садвала». Имеются сведения о том, что на них имело место противоборство «радикального» крыла, настаивавшего на создании единого Лезгистана, и «умеренного» крыла, предлагавшего сосредоточиться на решении гуманитарных проблем лезгин, разделенных госграницей. При этом радикальную позицию якобы поддерживал тогдашний лидер «Садвала» – депутат Народного собрания Дагестана **Руслан Ашуралиев** (родился в 1950 году, в молодости неоднократный чемпион мира по вольной борьбе, в 1990-е годы работал заместителем начальника Махачкалинской городской налоговой инспекции, был избран депутатом от одного из горных избирательных округов, населенных лезгинами, – Ахтынского округа, стал руководителем «Садвала» в начале 1994 года).

Ашуралиев лишился своего поста на VII съезде «Садвала». Съезд проходил в Дербенте (Южный Дагестан) 14 ноября 1998 года. Место Ашуралиева занял **Нияз Примов**, ранее служивший офицером в Российской армии, а в последние годы перед избранием занимавшийся бизнесом в Магарамкентском районе Дагестана. Смена руководства, по имеющимся данным, была связана с разным пониманием целей «Садвала», однако каждая из сторон называла радикалами своих оппонентов. Ашуралиев после съезда обвинил оппонентов в нежелании вести конструктивное обсуждение и сообщил о том, что в их выступлениях звучали призывы к выходу из состава России и созданию самостоятельного лезгинского государства, а один из активистов выдвинул идею создания теневого правительства Южного Дагестана. Позднее некоторые источники представляли дело таким образом, что «Садвал» раскололся на съезде на два крыла – «радикальное» (требующее создания единого Лезгистана) во главе с Кахримановым и Абдурагимовым и «умеренное» во главе с Ашуралиевым.²

Вместе с тем очевидно, что к своему VII съезду «Садвал» подошел как организация, скатывающаяся к позициям маргинальной. Достаточно сказать, что на съезде в качестве гостя выступал **Али Алиев** (лакец по национальности), командир абхазского флота в грузино-абхазской войне 1992–1993 годов, «председатель парламента Конфедерации народов Кавказа» – структуры, которая во второй половине 1990-х утратила какое-либо реальное влияние. После съезда «Садвал» и его новый лидер на протяжении нескольких лет практически не попадали в «информационное поле». О низкой активности «Садвала» говорит и то, что очередной, VIII съезд этой организации не проведен и даже не назначен. Впрочем, в 2005 году слово «Садвал» вновь стало звучать в СМИ, о чем речь пойдет ниже.

Наряду с «Садвалом» в Азербайджане действовала еще одна лезгинская организация, независимая от государственной власти, – Партия национального равенства Азербайджана (ПНРА), или Лезгинская партия. Она была учреждена в августе 1992 года по инициативе представителей лезгинской интеллигенции: **Имрана Рзаева, Фахреддина Айдаева, Фируза Бадалова** и других. Первоначальное название – Лезгинская демократическая партия Азербайджана. При регистрации партии представители ее руководства вынуждены были сменить название по настоянию властей. В программе ПНРА говорилось о том, что партия видит свою задачу в защите политических прав лезгинского народа в рамках конституции Азербайджанской Республики, признавая ее целостность и суверенитет. Отделения партии существовали в Баку, Сумгаите и в северных районах Азербайджана, где компактно проживает лезгинское население. Сейчас партия не функционирует, ее лидеры отошли от политики.

Аварцы, проживающие в северо-западных районах Азербайджана, не создали в начале 90-х какой-либо национальной организации и в целом по сравнению с лезгинами оставались «вне политики». Азербайджанские аварцы не имеют столь тесных связей со своей дагестанской «метрополией», как лезгины, по географическим причинам. К этому добавлялся и некоторый языковой барьер – диалект аварского, на котором говорят в

Закатальском и Белоканском районах, довольно сильно отличается от литературного аварского языка. Наконец, если лезгины были разделены азербайджанско-российской границей практически «напополам», то аварцы, оказавшиеся в независимом Азербайджане, составляли все же малый процент от аварского этноса. Поэтому трудно было ожидать, чтобы формировавшийся в Дагестане в начале 1990-х аварский **Народный фронт имени имама Шамиля** своей главной целью провозгласил бы решение проблем аварцев в Азербайджане.

На протяжении 1990-х годов положение в Закатальском и Белоканском районах, населенных аварцами, довольно мало освещалось в СМИ и официальных документах, поэтому реконструировать его приходится на базе довольно скудных данных.

Первые аварско-азербайджанские осложнения имели место, по-видимому, еще в 1989 году. Вот как вспоминает об этом азербайджанский историк **Зардушт Ализаде**, в то время состоявший в руководстве Народного фронта Азербайджана: «Мне позвонили из белоканского районного отделения Народного фронта и сообщили, что ожидается азербайджанско-аварское столкновение. Я немедленно выехал в этот район вместе с **Агаджавадом Саламовым**, членом контрольно-ревизионной комиссии Народного фронта. Выяснилось, что на прошлом митинге Народного фронта один „случайный“ оратор тяжело оскорбил **Али Анцухского**, влиятельного и богатого кооператора, неформального лидера аварского населения региона. Тот поклялся больше не допускать проведения митингов Народного фронта в Белоканах, созвал вооруженную аварскую молодежь и блокировал трибуну. На площади собрались свыше десяти тысяч жителей района и несколько часов ждали начала митинга. Если бы пролилась кровь, Азербайджан получил бы еще один страшный конфликт. Выяснив обстановку, я направился в здание исполкома и провел переговоры с Али Анцухским и его окружением. Я извинился перед ним за оскорбление, нанесенное ему на митинге Народного фронта, и уговорил его выступить вместе со мной на митинге. Вооруженная аварская молодежь пропустила нас на трибуну, митинг прошел мирно, и все разошлись. На „разборе полетов“ член районного отделения Народного фронта, учитель по профессии, признался, что, уходя из дома утром, он попрощался с семьей, так как не знал исхода и опасался, не придется ли ему, азербайджанцу, стрелять в братьев своей жены-аварки. Фронтисты утверждали, что провокатор, оскорбивший Али Анцухского на митинге, был подослан секретарем райкома партии».

В первой половине 90-х влияние аварского предпринимателя Али Анцухского, выходца из села Махамал Белоканского района, было в северо-западном Азербайджане, по всей видимости, определяющим – так, по крайней мере, описывает ситуацию азербайджанская пресса (напр. «**Монитор**», 15.11.2003 г.). Известный российский политик **Рамазан Абдулатипов** вспоминает, что их вместе с Али Анцухским принимал Гейдар Алиев для обсуждения проблем аварцев. Али Анцухский был избран депутатом азербайджанского парламента от своего региона, что опять же показывает политическое доминирование там аварского населения в первой половине 90-х. Однако в 1996 году он был убит в Баку. Азербайджанский правозащитник Эльдар Зейналов позднее так комментировал его убийство в газете «**Эхо**» (19 июня 2004 г.): «Он [Али Анцухский] открыто опасался кары со стороны властей и подстраховался от ареста, став депутатом парламента. Долго не решался приехать в Баку и был убит в первый же приезд после парламентских выборов. Аварец **И. Мамедов**, осужденный как его убийца, тоже умер в тюрьме. Власти упорно отрицали этническую и вообще политическую подоплеку этого убийства, которое списали на внутриаварскую „разборку“, чуть ли не семейную вендетту... Так и не была расследована бытовавшая в прессе перед убийством Анцухского версия о существовании белоканского „золотого треугольника“ – канала для торговли наркотиками и оружием на стыке границ трех государств [Азербайджана, Грузии и России], из-за обладания которым, как говорят, и был убит депутат».

О том, что происходило на северо-западе Азербайджана сразу после убийства Али Анцухского, в августе 2005 года вспоминал дагестанский еженедельник «**Черновик**»: «Со смертью депутата Милли меджлиса началась охота на всех руководителей так называемого

аварского клана – в числе убитых оказалась и широко известная „аварская тройка“, в которую входил известный бизнесмен **Мухаммад Джандаров**. Затем установилось временное затишье. Но власть в регионе перешла в руки конкурирующего с Анцухским клана, который возглавлял некий азербайджанец Ханлар. Именно после серии убийств этот тюркский клан-конкурент взял под свой контроль многие сферы бизнеса и в числе прочих развернул широкую торговлю наркотиками. Бытует версия, что при разгроме „аварской тройки“ власть использовала услуги конкурентов Анцухского, которые и сейчас сохраняют контроль над регионом».

После «временного затишья», о котором пишет дагестанская газета, тема аварцев Закатальского и Белоканского районов вновь «возникла» в 2001 году. По данным дагестанских источников, за полгода до этих событий, в 2000 году, администрация Закатальского района приняла решение о сносе памятника имаму Шамилю, установленного в 1992 году, однако это решение вызвало протест аварского населения. Затем 18 августа 2001 года памятник был взорван, а по подозрению в этом акте вандализма были арестованы опять же аварцы. Разгневанные неправомерным, по их мнению, задержанием, представители аварской общины предприняли нападение на районное отделение милиции. В район были введены войска, «аварский мятеж» был подавлен. В сентябре – октябре 2001 года официальные азербайджанские источники распространяли информацию о том, что в Закатальском и Белоканском районах обезврежена «преступная банда». Отдельно упоминалось, что возглавлял ее некто **Гаджи Магомедов**, «более десяти лет работавший водителем местного мафиозного авторитета Али Анцухского». Азербайджанские официальные лица также не раз называли аварских мятежников ваххабитами. Хотя многие детали закатальских событий 2001 года неясны, их ход однозначно показывает, что из доминирующего народа, каким они там были при «кооператоре» Али, аварцы превратились в этой части Азербайджана в конфликтующее с властью меньшинство. (После событий 2001 года о необходимости решать проблемы азербайджанских аварцев заговорили многие российские политики аварского происхождения, в частности **Рамазан Абдулатипов**. А депутат Госдумы **Гаджи Махачев** в интервью «Независимой газете» (26.05.2001 г.) заявил: «В Закатальском и Белоканском районах Азербайджана живут наши дагестанские земляки – аварцы. Есть точная информация, что там находятся боевики, наемники... Чеченцы, арабы, которые кружат голову проживающим там дагестанцам, вербуют их, привлекают на свою сторону».)

Цахуры, третий по численности дагестанский народ в Азербайджане, находятся в еще более трудных условиях, нежели лезгины и аварцы. У цахуров письменность пока в зачаточном состоянии, нет и не было влиятельных национальных организаций даже в Дагестане (где их численность близка к 20 тысячам человек). Каких-либо политических выступлений цахуров в Азербайджане не зафиксировано. В середине 1990-х годов главный редактор выходящей в Махачкале на русском языке цахурской газеты «**Нур**», профессор Дагестанского госпедуниверситета **Гарун Ибрагимов** сообщил автору этих строк, что власти Азербайджана якобы чинят препятствия распространению газеты в Белоканском и Закатальском районах. О других попытках активизировать цахурское национальное самосознание в Азербайджане нам неизвестно.

СЕВЕР АЗЕРБАЙДЖАНА И ДАГЕСТАНСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ аварско-азербайджанских и лезгино-азербайджанских взаимоотношений стали активно обсуждаться как в дагестанских, так и в азербайджанских СМИ в 2005 году. Старт этому обсуждению, по всей видимости, дали события не в Азербайджане, а в дагестанском Дербенте. Один из древнейших городов Кавказа, в 1990-е годы он претерпел значительные перемены в национальной структуре населения. Практически полностью

выехали в Израиль горские евреи (таты), увеличился процент некоторых дагестанских народов (в частности аварцев), которые ранее составляли меньшинство. В прошлом в Дербенте преобладало азербайджанское и татское население, особенно в центральной, исторической части города, которая составляла в значительной мере отдельный мир, не вписывающийся в общедагестанский уклад жизни. Теперь эта «отдельность» города оказалась размыта.

Наиболее влиятельными этническими группами в Дербенте ныне являются азербайджанцы и лезгины, причем лезгином является мэр города, а за азербайджанцами оставлен пост главы Дербентского района (с городом административно не связанного). Отношения местных властей с Махачкалой скорее партнерские, чем «вассальные»: достаточно сказать, что на выборах в Госдуму в декабре 2003 года в Дербентском одномандатном округе проиграл кандидат, близкий республиканскому руководству, и если за поражение в другом – Буйнакском округе официальная Махачкала тут же принялась «мстить» (добиваться увольнения глав «неправильно» проголосовавших районов и т. д.), то в Дербенте никаких таких шагов предпринято, по нашим данным, не было. Внутренняя напряженность создается тем, что Дербент попал в список древних городов – исторических памятников ЮНЕСКО. В бюджет города от этой международной организации поступают значительные средства, «рулить» которыми желают многие.

Конфликтная ситуация в Дербенте возникла 9 апреля 2005 года, когда произошла драка в городской мечети (Джума-мечети). Эта мечеть была местом молитвы как дагестанцев-суннитов, так и азербайджанцев-шиитов, населяющих город. Точных данных о том, между какими группами мусульман разгорелся конфликт, нет. Как будто все источники сходятся на том, что группа, напавшая на мечеть, состояла из приверженцев известного в Южном Дагестане **шейха Сиражутдина Хурикского (Исрафилова)**, по национальности табасаранца (табасаранцы – народ Южного Дагестана, близкородственный лезгинам). Описывая апрельские события «по горячим следам», дагестанские и федеральные российские СМИ не характеризовали конфликт в мечети как межнациональный. Уже позднее, в августе 2005 года, дагестанский еженедельник «**Черновик**», возвращаясь к инциденту, отмечал, что хотя шейх Сиражутдин и его сторонники являются суннитами, среди них много азербайджанцев. По данным той же газеты, в результате конфликта в Джума-мечети утвердился имам (предстоятель) суннитского толка, но азербайджанец по национальности. Как рассказывал в репортаже ВГТРК глава «пострадавшей» стороны – дербентских шиитов, его последователи «с суннитами ладят», а напавшие хотели спровоцировать «конфликт всех против всех». Ныне покойный министр информации и внешних связей Дагестана **Загир Арухов** – известный знаток дагестанского ислама, сам выходец из Южного Дагестана – в апреле 2005 года в беседе с автором этих строк указывал, что, по его данным, в конфликте принимали участие и мусульманские активисты из Закатал, аварского происхождения. Как бы то ни было, по информации, доступной сразу после конфликта в самом Дагестане, этот конфликт никак не выглядел азербайджанско-лезгинским столкновением.

Тем не менее в апреле азербайджанские СМИ сообщили, что за конфликтом в дербентской мечети стоит мэр города **Феликс Казиахмедов** (лезгин). Неожиданно в августе 2005 года эта тема была поднята в Азербайджане вновь. Азербайджанское агентство **АРА** со ссылкой на анонимного «представителя интеллигенции города Дербент» распространило информацию о том, что в Дербенте «против азербайджанцев готовятся диверсионные планы», вынашивают которые «лезгинские националисты и армяне».

«Лезгинские националисты уже близки к тому, чтобы захватить город, – заявлял источник агентства. – Они уже частично добились того, чего хотели. В ходе последней переписи местного населения численность азербайджанцев и лезгин искусственно была уравнена. Приверженцы идеологии „Садвала“ прибегают ко всем средствам, чтобы доказать, что Дербент является древней лезгинской землей. В 1992 году Дербентский заповедный музей возглавлял еврей. После него на эту должность был назначен азербайджанец. Но

лезгинские националисты не смирились с этим и добились назначения на эту должность националиста **Назима Кязимова**, приехавшего сюда из Санкт-Петербурга». Источник также подверг критике деятельность находящегося в Дербенте Южно-Дагестанского университета, который он назвал «оплотом лезгинских националистов» и «колыбелью антиазербайджанских идей». В сообщении агентства утверждалось также, что «специальная группа людей набирает в северном регионе Азербайджана студентов для этого университета» (по-видимому, этнических дагестанцев).

Позиция, заявленная анонимным источником агентства, звучала как призыв к «азербайджанскому реваншу» в Дербенте: «Самым страшным является то, что лезгинские националисты рука об руку с армянами представляют древний АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ город ЮНЕСКО в качестве древнего ЛЕЗГИНСКОГО. Исторически считалось так, что когда у какого-то народа отнимали его крепость, то этот народ считался побежденным. Наверное, это сравнение было бы неуместным, но Нарынгала [древняя дербентская крепость Нарынкала] Дербента, находящаяся на территории России, на которой компактно проживают азербайджанцы, находится сейчас в чужих руках». В том же сообщении агентства АРА председатель действующего в Дербенте азербайджанского общества «Азери» **Зейнал Бабаев** заявил: «Я намерен отправиться в Азербайджан в связи со сложившейся в Дербенте ситуацией и встретиться с компетентными лицами. Имеется много вопросов, которые должны найти свое решение в Азербайджане...»

Публикация вызвала бурный отклик в дагестанских СМИ. На страницах махачкалинского еженедельника «**Новое дело**» (16.09.2005 г.) мэр Дербента Казиахмедов заявил: «Материал агентства – это дело рук оппозиции властям Азербайджана накануне парламентских выборов. Их потуги направлены на раскачивание ситуации в Дербенте и охлаждение отношений между двумя государствами, которые вот-вот начинают налаживаться. Политические оппозиционные объединения соседнего государства таким образом пытаются выручить для себя некоторые дивиденды – дескать, азербайджанцев обижают в Дагестане, а этнических дагестанцев в Азербайджане... Что касается организаций „Садвал“ и „Азери“, упомянутых в материале агентства, то они давно канули в Лету и никакой реальной работы не проводят». Еженедельник «Черновик» поднял в августе тему древней истории Дербента, вновь доказывая, что этот город был центром Кавказской Албании, потомками которой являются лезгины, но никак не азербайджанцы.

Публикациями по дербентской проблеме дагестанские СМИ в августе – сентябре 2005 года не ограничились, а вернулись к отошедшей было у них на второй план теме дагестанцев, проживающих в Азербайджане. «Черновик» – издание, близкое к ряду дагестанских политиков аварской национальности, – публикует в августе статью «Геноцид аварцев в Азербайджане». В ней автор заявляет, что с 1991 по 1996 год в Белоканском и Закатальском районах якобы были убиты 185 аварцев. Чаще всего, пишет автор, азербайджанские силовики прибегают к такой тактике: «В аварские районы и села вводят армейские части, солдаты своим бесцеремонным обращением и оскорблениями в адрес аварского народа провоцируют аварскую молодежь на ссоры, а затем подвергают людей арестам и избивают в тюрьме до смерти». Автор также утверждает, что азербайджанские власти искусственно занижают официальную численность дагестанских народов в своей стране. Приводятся следующие таблицы.

ЧИСЛЕННОСТЬ АВАРЦЕВ И ЦАХУРОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ СОГЛАСНО ПЕРЕПИСИ 1999 ГОДА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЗАКАТАЛЬСКОГО РЕГИОНА ПО ДАННЫМ ДАГЕСТАНСКОГО ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «ЧЕРНОВИК» НА 2004 ГОД

В заключение статьи автор – безусловно, выражающий точку зрения на данный вопрос определенного сегмента аварской элиты – упрекает республиканские власти Дагестана в том, что они практически не защищают своих соплеменников в Азербайджане.

В 2005 году имел место и другой скандал, связанный с дагестано-азербайджанскими взаимоотношениями. В июле экс-министр внутренних дел Азербайджана **Рамиль Усубов** в интервью телеканалу **ANS** рассказал, как в 1997 году он дал распоряжение освободить из-под стражи преступника, совершившего в Дагестане побег из мест заключения и пробравшегося в Азербайджан, откуда его уже собирались экстрадировать в Россию. По словам Усубова, он сделал это по просьбе тогдашнего главы Дербентского района Дагестана, азербайджанца **Саида Курбанова**. Сам Курбанов в газете «**Реальный Азербайджан**» (29.07.2005 г.) назвал эту историю лживой. Несмотря на это, версию Усубова растиражировали некоторые дагестанские СМИ, в частности еженедельник «Черновик». Налицо был, таким образом, двусторонний – и в Азербайджане, и в Дагестане – «накат» на наиболее влиятельную семью дагестанских азербайджанцев. (Саид Курбанов – бывший глава Дербентского района, его старший сын **Магомед** – глава представительства Дагестана в Азербайджане, младший сын **Курбан** – нынешний глава Дербентского района, был также членом Госсовета Дагестана от азербайджанцев.) По данным «Черновика», ранее возбуждалось уголовное дело по факту хищения значительных бюджетных сумм в дагестанском представительстве в Баку, которое возглавляет один из Курбановых – Магомед, однако развития это дело не получило.

Следует отметить, что с начала 1990-х годов и по сегодняшний день властная элита Дагестана крайне мало высказывалась по проблеме лезгин и аварцев Северного Азербайджана. Как пример значимого исключения можно процитировать статью, написанную в 2001 году будущим министром по национальной политике Дагестана **Загиром Аруховым**: «Якобы имевшая место раздача лезгинскому населению на территории Дагестана армянского оружия, инциденты на границе, террористический акт в бакинском метро – все это меры, предпринимаемые азербайджанскими спецслужбами в целях компрометации как самого движения „Садвал“, так и пропагандируемых им идей. Цели этих акций в данном случае достаточно прозрачны – использовать национальное движение „Садвал“ для провоцирования первоначального конфликта, дискредитации роли Армении в южнокавказской политике» («Южнороссийское обозрение», № 5, 2001 г.). Из бесед с представителями высшего дагестанского чиновничества в 2004–2005 годах автор этих строк вынес впечатление, что в целом руководство Дагестана, по крайней мере в этот период, ни при каких условиях не допускало мысли о какой-либо своей активизации на североазербайджанском «направлении», подчеркивая в первую очередь необходимость сохранения хороших отношений с официальным Баку.

После долгого забвения в середине 2005 года вновь стало звучать имя «Садвал». В этот период тема дагестанцев в Азербайджане «воскресла» не только в дагестанских СМИ, но и в российских и в азербайджанских массмедиа. «**Московский комсомолец**» от 08.07.2005 г. в статье «Как будут взрывать Дагестан?» сообщил о якобы подготовленном в полпредстве Президента РФ в Южном федеральном округе докладе о положении в этой республике, в котором среди прочего утверждается: «Некое движение „Садвал“ требует „воссоединения лезгинского народа в пределах его компактного расселения в РФ и Азербайджанской Республике“. Экстремистская форма этого требования – образование лезгинского государства „Лезгистан“». Сомневаясь в аутентичности процитированного доклада, еженедельник «**Молодежь Дагестана**» в июле спрашивал: «Кто когда последний раз слышал о „Садвале“?» Азербайджанские СМИ поспешили дать ответ на этот вопрос. В августе то же агентство **АРА** сообщило об «эксклюзивном интервью» председателя Совета старейшин «Садвала», основателя этой организации **Мухуддина Кахриманова**, который заявил, что «в скором времени» состоится очередной съезд. (До этого на протяжении более десяти лет представитель «Садвала» получал слово в азербайджанских СМИ только один раз. В уже упомянутом интервью бакинской газете «**Зеркало**» в августе 2004 года глава

«Садвала» **Нияз Примов** заявил, что его организация продолжает работу. Нынешние задачи «Садвала» он охарактеризовал при этом довольно противоречиво: «Никаких целей общественное движение „Садвал“ в Азербайджане не преследует. Нашим единственным желанием, идеей, если хотите, мечтой является объединение всего лезгинского народа в одном едином государстве. Мы добиваемся того, чтобы с лезгинами считались, чтобы они пользовались равными правами со всеми как в Азербайджане, так и в Дагестане. Чтобы эта нация не ущемлялась по национальному признаку». При этом Примов старательно отвергал все предположения о связи «Садвала» с Арменией.)

Возвращению «садвалистов» в медийное пространство способствовало и **радио «Свобода»**, в эфире которого 01.06.2005 г. выступил Кахриманов. Он сказал, что сейчас вновь ужесточен режим на дагестанско-азербайджанской границе. Также Кахриманов отметил: «Лезгинское народное движение имеет глубокие исторические корни, славные традиции. Оно будет существовать до тех пор, пока будет существовать проблема разделенности лезгинского народа. Пока лезгинский народ не воссоединится в одно целое, пока лезгинскому народу не будет предоставлено самоопределение в составе одного государства, лезгинское движение будет жить, действовать, и лезгинский народ не успокоится своим рабским положением. Движение „Садвал“ существует, оно сейчас проходит стадию перестановки сил. В ближайшее время мы будем проводить организационные мероприятия для того, чтобы оживить его деятельность. Почему... Азербайджанская Республика продолжает оголтелую антилезгинскую пропаганду, провокацию, преследование инакомыслия? Почему до сих пор в застенках азербайджанских тюрем томятся несколько десятков лезгинских патриотов, которые обвиняются в политических вопросах? Это разве правильно? Активизировались процессы азербайджанизации лезгин. [Идут] этнические чистки на территории проживания лезгинского народа, выселяют из других районов население тюркского происхождения. Почему до сих пор нет радио, телевидения? Почему до сих пор в школах не налажено преподавание на родном языке? Почему в государственных структурах Азербайджана нет ни одного лезгина? Почему вообще в правоохранительных органах нет ни одного лезгина? Разве можно так поступить с соседним братским народом? Вот наша позиция». (Заявленная «позиция» не может не вызвать вопросов даже у самого беспристрастного наблюдателя. Достаточно вспомнить, что лезгин **Сафар Абиев** занимает важную позицию «в государственных структурах Азербайджана» – он является министром обороны.)

Последний по времени штрих в публичной активности «Садвала» относится к январю 2006 года. Все то же азербайджанское агентство АРА опубликовало заявление неназванного и никак не идентифицированного географически «источника» в «Садвале». На сей раз «источник» сообщил, что у «либерального крыла» «Садвала» зреет план требовать присоединения лезгинских земель Дагестана к Азербайджану. «Источник» резко высказывался в адрес садвалистских «радикалов» Мухуддина Кахриманова и Гаджи Абдурагимова, обвиняя их в антиазербайджанском настрое и при этом заявляя: «Радикалы пытались сыграть на национальных чувствах лезгин, но когда их планы провалились, они стали искать виноватых среди других людей и обвинили здравомыслящих членов „Садвала“ в предательстве и измене. На самом деле эти люди ненавидят и нынешнее руководство России. Они подпольно сотрудничают с Коммунистической партией России и некоторыми националистическими силами в Москве». По словам «источника», либеральные представители «Садвала» выступили с таким заявлением: «Мы считаем, что дагестанские лезгины не могут оставаться в составе республики, превратившейся в рассадник международного терроризма и задыхающейся в тисках национального противостояния, к которому приложили руку некоторые зарубежные страны. На повестку дня поставлен вопрос присоединения к Азербайджану южных районов Дагестана и предоставление автономии лезгинам в составе этой страны...

Почему эта группа людей, которая считает себя чуть ли не „историческими личностями“ лезгинского народа, может выступать с заявлениями о присоединении

северных районов Азербайджана к Дагестану, а либералы не могут даже мечтать увидеть южные районы Дагестана в составе Азербайджана?»³

Ввиду неназванности «источника», на который ссылается азербайджанское информагентство, судить об истинных целях данной публикации довольно сложно. Очевидно лишь желание представить «Садвал» как организацию, с одной стороны, активно действующую, а с другой – расколотившую на два крыла. Проблема в том, что каких-либо независимых свидетельств активности «Садвала» как организации в Дагестане или Азербайджане сейчас нет. Но один факт налицо – тема дагестанцев в Азербайджане, а также азербайджанцев в Дагестане в 2004–2006 годах после долгого перерыва стала периодически появляться в медийной среде. В чьих интересах это произошло и почему именно в данный период времени – покажет последующее развитие событий.

Не беря на себя смелость судить, насколько медийный образ «Садвала», который начали вновь «лепить» в 2004–2006 гг., соответствует реальности, все же упомянем в заключение такой факт. Как уже отмечалось выше, в 2004 году в СМИ появилось интервью Нияза Примова, представленного как сопредседатель «Садвала». Напомним, что о его появлении в руководстве этой организации имеются сведения от 1998 года. И вот в апреле 2006 года в Хивском и Докузпаринском районах Южного Дагестана происходят массовые беспорядки, причем в Докузпаринском районе дело кончилось кровопролитными столкновениями ОМОНа с несколькими сотнями жителей, требовавших отставки главы района. Через несколько дней после этих событий Прокуратура Дагестана распространила информацию о том, что в качестве возможных организаторов массовых беспорядков задержаны братья Нияз и Насыр Примовы из Магарамкентского района. О том, что кто-то из братьев имеет отношение к «Садвалу», ни в официальных сообщениях правоохранительных органов, ни в публикациях СМИ об инцидентах апреля 2006 года не говорилось. Указывалось лишь, что Нияз Примов руководит Управлением социальной защиты населения Магарамкентского района, а его брат Насыр имеет бизнес, связанный с азербайджано-дагестанской границей. Между тем, наши источники в Докузпаринском районе, в целом подтвердившие активное участие братьев Примовых в апрельских событиях, отметили, что знают братьев как видных людей соседнего района, а также знают, что один из них (кто именно – разные источники говорили по-разному) ранее входил в руководство «Садвала», но сейчас отошел от этой деятельности. Очевидно, что люди, представленные в СМИ как руководители организации, имеющей чуть ли не межгосударственные амбиции, на деле оказались лидерами районного масштаба, причем без национальной акцентуации (во время столкновений в Докузпаринском районе по обе стороны «баррикад» были лезгины; в Хивском районе, по некоторым данным, столкновение завязалось между представителями лезгин и табасаранцев, проживающих в районе бок о бок, но вряд ли идеология «Садвала» когда-либо была «заточена» против табасаранцев – народа, близкородственного лезгинам).

В связи с парламентскими выборами в Азербайджане 6 ноября 2005 года какого-либо острого обострения «лезгинского вопроса» зафиксировано не было – несмотря на то, что в последний перед выборами год он то и дело «воскресал» в азербайджанских СМИ. В ходе предвыборной кампании имели место лишь единичные заявления депутатов парламента, представляющих лезгинские районы. Так, 12 октября на очередном заседании парламента депутат от Кусарского района **Ася Манафова** заявила, что «приграничные села Кусарского района находятся в блокаде». Она отметила, что в приграничных с Дагестаном селах «нет экономического развития»: «Дороги в ужасном состоянии. Население, живущее на азербайджанской стороне реки Самур, с завистью смотрит на экономическое развитие на противоположной стороне реки [в России]. Есть силы, которые настраивают население Кусара против властей, используя эти негативные явления». Несмотря на то что газ, идущий из России в Азербайджан, проходит около села Ширвановка Кусарского района, Манафова заявила, что население села столкнулось с проблемой его отсутствия. «В связи с

распространением бруцеллеза в приграничных селах скот у местных жителей отобрали, но вместо этого им не выплатили денег», – сказала лезгинский депутат. Она обратилась к руководителям правительства, присутствовавшим на заседании парламента: «Поезжайте в Кусар, посмотрите на ситуацию. В будущем это может вызвать нежелательные события».

Однако никаких особенно «нежелательных» событий на выборах не произошло. Имеется информация лишь об одном лезгинском поселке Кусарского района – Лангу, где 6 ноября жители решили бойкотировать выборы. Жители поселка Лангу сообщили, что они предпринимают этот шаг в знак протеста против того, что им не были выданы земельные паи, что они до сих пор не могут получить удостоверения личности, а также из-за нерешенности проблем с водой и дорогами.

Тем не менее сами результаты парламентских выборов в Северном Азербайджане допускают неблагоприятные сценарии будущего развития ситуации в этой части страны. При традиционно высокой явке избирателей в сельских частях страны, в «дагестанских» районах она в основном балансировала вокруг пятидесятипроцентного уровня. Высокая явка – 70,13 % – была отмечена там только в 51-м Кусарском избирательном округе, где правящая партия «Ени Азербайджан» поддержала лезгина **Халилбека Гюнешлова**, победившего с 52,64 % голосов. Кроме этого округа, представитель дагестанских народов одержал победу только в 109-м Белоканском избирательном округе – там при явке 46,22 % в парламент с 49,24 % голосов прошла аварка **Рабият Асланова**, также поддержанная правящей партией. В 53-м Куба-Кусарском округе победил представитель горских евреев **Евда Абрамов** («Ени Азербайджан»). Во всех прочих 12 избирательных округах Северного Азербайджана победили азербайджанцы, причем, за одним исключением, они были поддержаны партией власти. Явка более 50 %, кроме 51-го Кусарского, была зафиксирована в 53-м Куба-Кусарском (55,13 %), 56-м Хачмазском (52,49 %), 110-м Закатальском (57,52 %), 111-м Закатала-Белоканском (53 %), 112-м Кахском (58 %), 116-м Габалинском (51,65 %), 117-м Огуз-Габалинском (55,19 %) избирательных округах. Наиболее низкая явка – 35,39 % – была в 114-м Шекинском округе. Также менее половины избирателей приняли участие в выборах по 52-му Кубинскому (49,12 %), 54-му Девичи-Сиязанскому (48,73 %), 55-му Хачмазскому (47,36 %), 109-му Белоканскому (46,22 %), 113-му Шекинскому (41,72 %) и 115-му Шекинскому (47,72 %) избирательным округам.

Эти результаты позволяют говорить о достаточно низкой вовлеченности дагестанцев в политический процесс даже в их родных районах. Среди глав районных администраций в этой части страны только один лезгин (Кусарский район). При таком положении в любом случае сохраняется опасность непарламентских путей борьбы дагестанских народов за расширение своих прав. Отметим также, что проблема низкой представленности дагестанских народов в новом составе парламента не стала предметом обсуждения в каких-либо СМИ Азербайджана, что показывает практическое отсутствие у дагестанцев там своей политической трибуны.

При этом ситуация на границе с Дагестаном, актуальная в первую очередь для лезгин, далека от стабилизации. С 5 марта 2005 года переход этой границы любым гражданином Азербайджана возможен только по предъявлении заграничного паспорта. Исключения не делаются и для лезгин, проживающих в приграничье. Данное нововведение привело к огромным очередям на получение заграничных паспортов, которые ранее были редкостью в сельской местности (где большая часть населения до сих пор имеет только паспорта СССР).

В исламе Северного Азербайджана, напротив, как будто доминирует дагестанское население. В райцентрах всех северных районов, кроме Шекинского, находятся мечети только суннитского (исповедуемого дагестанцами) толка. (Также в 1994 году лезгинам была передана мечеть 1169 года постройки в «старом городе» в Баку, где также теперь молятся согласно суннитским установлениям.)

В области образования в постсоветское время наметился определенный прогресс – впервые в школах Северного Азербайджана стали преподаваться как предметы дагестанские языки, чего практически никогда не было во времена СССР. Однако национальные

активисты жалуются на трудности подготовки учителей, нехватку учебников, доставляемых исключительно из Дагестана, подозрительное отношение властей к центрам дагестанской культуры, особенно в районах. Подробнее о социальных проблемах и культурной жизни дагестанских народов Азербайджана речь пойдет ниже.

ГЛАВА 2

Дагестанские народы и российско-азербайджанская граница

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦЫ АКТУАЛЬНА в первую очередь для лезгинского населения Азербайджана. Ввод новых правил перехода границы, требующих наличия заграничного паспорта, существенно осложняет взаимное общение родственников, живущих по разным ее сторонам. На все это накладывает особый отпечаток тот факт, что в Кусарском районе, например, число граждан, не получивших удостоверение личности, достигает 70 % (по данным азербайджанского информационного агентства «Тренд»). Кроме того, получение загранпаспорта требует финансовых затрат, которые многим не по карману.

Мероприятия по укреплению российско-азербайджанской границы довольно часто вызывают акции протеста. Так, по поводу постановления Правительства Республики Дагестан «Об установлении пограничной полосы и утверждении Правил пограничного режима в пределах Республики Дагестан» от 11 марта 1997 года группа лезгинских общественных деятелей выступила с обращением, в котором требовалось:

«1. Посередине территории единого лезгинского народа не устанавливать никакой границы.

2. Отменить все постановления по установлению границы по р. Самур, пограничной полосы, разделяющей единый народ.

3. Государственную границу между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой проводить вне лезгинских земель...»

(«Лезги газет », 18 июля 1997 г.)

Проблемы разделенных народов волнуют и российских политиков. Заключить азербайджанско-российский договор «с учетом интересов народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана» требовали депутаты районов Южного Дагестана, городов Дербент и Дагестанские Огни, принявшие специальную резолюцию на совместном заседании в Дербенте 3 апреля 1993 года.

Нельзя не обратить внимания и на Постановление Государственной Думы Российской Федерации от 4 июня 1997 года «О рекомендации по заключению международного договора между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правах лезгинского и аварского народов», в котором говорится:

«На территории Российской Федерации, а также на территории Азербайджанской Республики проживают лезгинский и аварский народы, разделенные государственной границей между Россией и Азербайджаном. В силу объективных и субъективных исторических причин как лезгины, так и аварцы не смогли создать свою национально-культурную автономию. Исторической обязанностью Российской Федерации как правопродолжателя Союза ССР в соответствии с международными актами о защите прав человека и гражданина является принятие мер по урегулированию всех проблем, связанных с трансграничными контактами лезгинского и аварского народов и возникших вследствие того, что лезгины и аварцы оказались по разные стороны государственной границы, а также мер по обеспечению лезгинам и аварцам достойных условий жизни и по удовлетворению их национально-культурных запросов во всем регионе их расселения. Учитывая необходимость поиска мирного решения в рамках Содружества Независимых Государств проблем разделенных народов, в частности лезгинского и аварского, руководствуясь общепризнанными принципами и нормами международного права,

стандартами Совета Европы, Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации постановляет:

На основании пункта 1 статьи 8 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“ рекомендовать Президенту Российской Федерации выступить с инициативой заключения международного договора между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правах лезгинского и аварского народов...»

К настоящему времени на российско-азербайджанской государственной границе функционируют следующие пункты пропуска:

- а) железнодорожный: «Самур» (Россия) – «Худат» (Азербайджан);
- б) автомобильные: «Яраг-Казмаляр» (Россия) – «Самур» (Азербайджан); «Тагиркент-Казмаляр» (Россия) – «Ялама» (Азербайджан);
- в) упрощенный пункт пропуска «Ново-Филя» (Россия) – «Ширвановка» (Азербайджан).

На государственной границе осуществляется пограничный, таможенный, санитарно-карантинный, ветеринарный, фитосанитарный и другие виды контроля жителей, транспортных средств, товаров и других грузов, а также скота.

Местные жители утверждают, что новые правила разделяют семьи и способствуют взяточничеству на границе, и без того сльвущей весьма коррумпированной. В ходе нашей поездки в Кусарский район в июне 2005 года стало очевидно, что местные жители, которых после 5 марта 2005 года не пропустили через границу за неимением соответствующих документов, не скрывают раздражения. Одни утверждают, что ничего не знали о новых правилах, а другие говорят, что, по их мнению, изменения не должны были коснуться жителей пограничных районов Азербайджана, где живут национальные меньшинства.

«Я в ОВИРе слышал, что нас это не коснется», – утверждал в беседе с нами житель Кусары лезгин **Саид Тагиев**, российский гражданин, работающий рядом с границей. По рассказам некоторых жителей района, к паспортному столу установилась огромная очередь, которую нужно занимать заранее. «Но если хочешь получить паспорт быстро, предположим, за один день, то нужно заплатить в 10–15 раз дороже. Иначе придется ждать 25–30 дней», – говорит **Ровшан Магомедов**, лезгин из Кусары.

Новая система оказалась особенно шокирующей для двух категорий людей в Азербайджане – торговцев и этнических групп, проживающих в приграничной зоне. Тысячи жителей Азербайджана зарабатывают на жизнь торговлей в соседней стране, внося внушительный вклад в экономику обеих стран. По их оценкам, 5 марта «взяткоемкость» границы возросла примерно в три раза. А один из таксистов Кусарского района в беседе с нами жаловался, что каждый раз, когда он пересекает границу, в паспорт ему ставят штамп, поэтому в нем скоро не останется места для печати. «Клиентов стало катастрофически мало. Наши доходы резко упали», – добавил он.

Дело усугубляется еще и тем, что, как уже отмечалось, у большинства жителей Азербайджана нет и внутренних азербайджанских паспортов – до сегодняшнего дня они пользуются советскими паспортами. Не получив внутренний азербайджанский паспорт, они не могут получить и зарубежный. До 30 июня 2005 года получить загранпаспорта в Азербайджане можно было и с помощью паспортов СССР, но после этой даты паспорта СССР в Азербайджане официально перестали действовать. При этом, согласно мониторингу некоторых неправительственных организаций, к весне 2005 года еще не успели получить внутренние азербайджанские паспорта в Кусарском районе – 70 % населения, в Хачмасском районе – 60 % населения.

На этом участке границы делаются большие деньги. Мост между Азербайджаном и Дагестаном называется «золотым» из-за вымогательств. По словам чиновника из Кусарского района Магомеда Велибекова, необходимость в заграничных паспортах только увеличит коррупцию. «Несмотря на все заверения, что проверка документов на КПП – просто

формальность, граница может в любой момент закрыться без предупреждения», – говорит он.

Почти невозможно пересекать границу на собственной машине. «Мой брат не смог приехать ко мне на свадьбу, – говорит один из жителей Кусарского района, родственники которого живут в Дербенте. – Он проживает в Дербенте, а я тут. Мы граждане разных государств. Его жена в положении, и он хотел приехать на своей машине для удобства жены. Так его просто отговорили люди, которые до него пересекали границу на своем автотранспорте. Для пограничников машина с номерами соседнего государства – просто как красная тряпка для быка. Возникает море придирок, вопросов, и все сводится к тому, что надо заплатить мзду». Предприниматели говорят, что теперь оставляют свои машины дома, чтобы затрачивать меньше нервов и денег, и ездят до границы на маршрутке или такси.

Почти каждого, кто пересекает российско-азербайджанскую границу, по непонятным причинам заставляют платить по 50 рублей (около 2 долларов США). Гражданка России Хатуна живет и работает в азербайджанской столице Баку. Она часто ездит в Дагестан повидаться со своими братьями и утверждает, что пограничники с нее постоянно требуют денег. «Каждый раз они твердят мне, что моя прописка не имеет значения», – говорит она. По признанию опытных путешественников, «российские таможенники жаднее». Со студента-лезгина, ехавшего из Азербайджана на учебу в Дербент, потребовали 500 рублей, хотя он ехал лишь с одной сумкой личных вещей.

С учетом потребности разделенных государственной границей дагестанских народов руководство Республики Дагестан поставило перед федеральными органами России и Азербайджана вопрос об открытии пункта упрощенного пропуска на границе через Диндидагский перевал из горного Рутульского района Дагестана. Отсутствие здесь упрощенного пункта пропуска значительно затрудняет общение родственных народов по обе стороны границы. Им приходится преодолевать большие расстояния в обход или же нарушать государственную границу. Позиция Республики Дагестан по этому вопросу остается в силе, вопрос продолжает прорабатываться в соответствующих федеральных структурах [см. Этнические дагестанцы...: 21–22].

В то же время достаточно жесткий режим на границе со стороны России во многом обусловлен войной в Чечне. По данным пограничной службы РФ, наиболее интенсивное снабжение чеченских сепаратистов оружием через эту границу велось, по-видимому, в период боевых действий в 1994–1996 годах. Так, в 1995 году пограничники задержали на российско-азербайджанской границе 53 груженые оружием автомашины и трактор. В итоге было изъято 240 реактивных снарядов и выстрелов к гранатометам, 110 тысяч единиц боеприпасов к стрелковому оружию, пистолеты, автоматы, военное обмундирование и медикаменты общим весом около 7 тонн.

Отдельная проблема – делимитация азербайджанско-российской границы. Трудности связаны с будущей принадлежностью небольшого, но чрезвычайно важного участка границы на реке Самур, где есть водозаборники, которые могут отойти как одной, так и другой стороне. Россия выступает за сохранение прежнего режима пользования рекой (50:50), а Азербайджан хочет добиться для удовлетворения своих нужд обладания 75 % водных ресурсов. Отметим, что от реки берет начало Самур-Апшеронский ирригационный канал, обеспечивающий водой население городов Баку и Сумгаит. В первой декаде декабря 2005 года в Баку проходило 10-е заседание Государственной комиссии по делимитации границы между Россией и Азербайджаном. По данным дипломатов обеих стран, к окончательному решению проблемы участники заседания не пришли.

В последние 5–7 лет проблемы азербайджанско-российской границы гораздо меньше обсуждаются на высоком уровне, чем в первой половине 1990-х годов, когда они регулярно становились предметом дискуссий и разнообразных (в большинстве случаев невыполненных) решений правительств РФ и Дагестана. Зато о них регулярно напоминает дагестанская оппозиция. Так, 12 марта 2005 года Конгресс народов Дагестана – общественная организация, объединяющая политиков с разным уровнем влияния, но с

одинаково высокой степенью неприятия официальной Махачкалы, – принял заявление, в котором говорилось (цит. по «Дагестанцы», март, 2005 г.):

«Конгресс народов Дагестана с тревогой смотрит на исключительно трудное положение, в котором оказались лезгинский и другие разделенные народы Дагестана по вине руководителей России, Дагестана и Азербайджана. Вопреки всем документам, подписанным руководителями РФ и Дагестана с руководством Азербайджана, громким обещаниям руководства Дагестана о том, что между Дагестаном и Азербайджаном никогда не будет государственной границы, разделяющей лезгинский народ, не только установлена государственная граница внутри народа, но с 5 марта 2005 года введен визовый режим на границе.

Не реализованы планы и проекты, подготовленные Правительством Дагестана с согласия Правительства РФ в 1992–1998 годах...

Такая „забывчивость“ важнейших документов по урегулированию проблем разделенных народов и пренебрежение волей лезгинского народа, выраженной им 28 сентября 1991 года на своем национальном съезде, чреваты большими непредсказуемыми последствиями.

Имеет место дискриминация и в плане использования водных ресурсов р. Самур. Суть проблемы в том, что в 50-х годах XX века ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли программу освоения Прикаспийской низменности АзССР. Отсутствие воды сдерживало осуществление этой программы. Для выполнения указанных директив в 1952 году по ходатайству АзССР Совет министров Дагестанской АССР распоряжением № Р-125 от 11.03.1952 г. выделил земельный участок Магарамкентского района ДАССР общей площадью 158,85 га управлению Самур-Дивичистройканала под строительство плотины для сбора воды для Самур-Дивичского и Самур-Дербентского каналов. Гидроузел, построенный в 1956 году на землях Магарамкентского района Дагестана, оказался на балансе эксплуатационных организаций АзССР. Тогда была единая страна, этому не придавали значения. После распада СССР Азербайджан включил указанные земли и сооружения на Самуре в свой баланс произволом против международного права. Более того, Дагестан в 1956 году, переселив курушцев [жителей высокогорного села Куруш в Южном Дагестане] в Хасавюртовский район, передал Азербайджану огромную территорию, не имея на это никакого права, поскольку это была прерогатива Правительства РФ. Эти земли не возвращены Дагестану.

Дискриминация в использовании воды р. Самур полностью прослеживается, если рассмотреть следующие данные. Общая длина р. Самур – 213 км. На протяжении 38 км река Самур протекает по границе РФ и Азербайджана. Площадь водозаборного бассейна р. Самур – 7330 кв. км, из которых 96 % приходится на долю Дагестана и 4 % – на долю Азербайджана.

Конгресс народов Дагестана обращается ко всем народам Дагестана с призывом проникнуться сложившимся взрывоопасным положением разделенных народов и поддержать их в стремлении оставаться едиными народами на своей исконной территории. Мы всегда были едины в трудное время. И это время уже наступило!»

Интересно отметить, что данное заявление Конгресса народов Дагестана – оппозиционной организации, не имеющей самостоятельного влияния и появляющейся в медиапространстве с большими перерывами, «от съезда к съезду», – совпало с попытками лидеров дагестанской оппозиции вовлечь в сферу своего влияния Южный Дагестан. Весной 2005 года члены так называемого северного альянса – группы политиков преимущественно аварской национальности, многие годы противостоящих тогдашнему главе Дагестана **Магомедали Магомедову**, – совершили ряд поездок в Южный Дагестан, в том числе в связи с описанным выше конфликтом в дербентской мечети. Однако ко второй половине 2005 года их «экспансия» на юг захлебнулась, и, возможно, в связи с этим они перестали развивать и тему разделенного статуса лезгин.

ГЛАВА 3

Государственная культурная политика Азербайджана и дагестанские меньшинства

ВНАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ этнокультурное развитие дагестанских народов Азербайджана было затруднено попытками внедрения тюркизма в государственную идеологию. В период правления **Абульфазы Эльчибея** (1992–1993) была принята формула единства с Турцией «Одна нация (тюркская) – одно государство». Некоторые ученые считают, что, вероятно, «пантюркизм» Эльчибея и был одной из основных причин падения первого демократического правительства Азербайджана.

Существовал ряд факторов, обусловивших такое развитие событий. Во-первых, Эльчибей часто ссылался на «турецкую модель развития». Безусловно, здесь подразумевалось, что Азербайджан будет развиваться в направлении светского государства и демократического общества, однако большинство воспринимало это как попытку «отуречить» Азербайджан.

Во-вторых, во время правления Эльчибея азербайджанский язык был переименован в тюркский. Известно, что азербайджанский язык относится к тюркской группе и он близок, но не тождественен с турецким. Так как данный закон был принят без предварительного изучения общественного мнения, неудивительно, что его принятие было встречено как очередная попытка «отуречивания» азербайджанского населения. (С приходом к власти Гейдара Алиева в конце 1993 года государственный язык был вновь переименован в азербайджанский. В отношении Турции новый президент стал приверженцем формулы «Одна нация – два государства».)

В-третьих, многие смотрели на Турцию как на спасителя Азербайджана в карабахской войне. Когда оказалось, что Турция не желает оказывать существенную помощь в этом вопросе, отношение к Турции быстро изменилось.

С российской стороны наибольшую озабоченность языковыми и культурными проблемами дагестаноязычных народов Азербайджана проявляло и проявляет руководство Республики Дагестан. Именно по его инициативе Правительство Российской Федерации 16 апреля 1998 года утвердило План мероприятий по этнокультурной поддержке диаспоры народов Дагестана в Азербайджанской Республике и азербайджанской диаспоры в Республике Дагестан, который был согласован со всеми заинтересованными федеральными министерствами и ведомствами. Тем не менее этот план практически не выполняется.

12 апреля 1999 года в Москве прошло межведомственное совещание, в котором приняли участие представители 19 федеральных министерств и ведомств, а также Министерства по делам национальностей, информации и внешних связей Республики Дагестан. В результате Министерство по делам национальностей, Министерство образования, Министерство культуры России и Госкомпечать России повторно направили в правительственную Комиссию по делам соотечественников за рубежом согласованные предложения по этнокультурной поддержке диаспоры народов Дагестана, проживающих в Азербайджанской Республике, которые предусматривали финансовую поддержку:

- переподготовки учителей лезгинской и аварской словесности с обучением на языках народов Дагестана в Дагестанском республиканском институте повышения квалификации работников образования;
- летнего отдыха детей дагестанских народов Азербайджана в оздоровительных лагерях каспийского побережья Дагестана;
- медицинской реабилитации ветеранов Великой Отечественной войны и труда из числа дагестанских народов Азербайджана в санаторно-курортных учреждениях Дагестана;
- подготовки и экспедирования учебников лезгинского и аварского языков для нужд школ Азербайджана с преподаванием на языках народов Дагестана;
- помощи в пополнении книгами дагестанских авторов книжных фондов библиотек

районов Азербайджанской Республики, населенных представителями дагестанских народов, проведения совместных фестивалей, выставок, гастролей, спортивных соревнований и т. д.

Всего на реализацию этих акций за счет средств федерального бюджета планировалось выделить 1 млн. 665 тыс. рублей в 1999 году [Этнические дагестанцы...: 24–25].

В 1992 году был издан указ президента Азербайджана «О защите прав и свобод, государственной поддержке развития языка и культуры национальных меньшинств, малочисленных народов и этнических групп, проживающих в Азербайджанской Республике». В Азербайджане проводятся мероприятия, создающие возможность дагестанским меньшинствам получать образование на национальном языке. Изучение аварского языка в школах Закатальского и Белоканского районов было восстановлено в 1988–1989 годах и включено в учебную программу начальных классов 30 школ (из 50 имеющихся). В 2003 году приказом Министерства образования Азербайджана были утверждены учебные программы для 1-4-го классов средней школы по талышскому, татскому, курдскому, лезгинскому, цахурскому, аварскому, хиналугскому и удинскому языкам.

Согласно инструкции Министерства образования, программа лезгинского, аварского и цахурского языков включает следующее количество часов родного языка: предварительный класс – 2 часа в неделю; 1-й класс – образование только на государственном языке; 2-й класс – 2 часа в неделю; 3-й класс – 1 час в неделю; 4-й класс – 1 час в неделю. Только в Кусарском районе лезгинский язык как предмет изучается все 11 классов. Всего же в 407 школах Азербайджана родной язык изучают 55 400 представителей малочисленных народов, в том числе в 126 школах – 24 700 лезгин. При этом отмечается явная нехватка учебников (по 2–3 учебника на класс). Эту проблему готовы решить в Дагестане: специально для Азербайджана там было выпущено достаточное количество учебников. Однако все они практически не могут пройти таможенно, поскольку рассматриваются как коммерческий товар.

«В целях разрешения проблемы подготовки учителей по национальным языкам по инициативе Правительства Республики Дагестан в 1996 году в городе Баку открыт филиал Дагестанского государственного университета. В филиале функционируют филологический, юридический и финансово-экономический факультеты. С 1998/1999 учебного года началась подготовка специалистов по аварскому и лезгинскому языкам и литературе. В настоящее время филиал имеет отдельный учебный корпус, библиотеку. Учебный процесс организован на основе учебных планов программы Министерства образования Российской Федерации. Общее число студентов составляет 530 человек, из них – 356 на дневном и 174 на заочном отделениях. Однако все еще не разрешенной остается проблема регистрации филиала Дагестанского государственного университета в Министерстве образования и Министерстве юстиции Азербайджанской Республики.

Правительство Республики Дагестан также неоднократно обращалось к Президенту и Правительству Азербайджанской Республики с просьбой оказать содействие в открытии филиала Дагестанской государственной медицинской академии при Азербайджанском государственном институте усовершенствования врачей им. А. А. Алиева» [Этнические дагестанцы.: 49].

В 2004 году в Бакинском филиале Дагестанского государственного университета специальности «преподаватель лезгинского языка» и «преподаватель аварского языка» (факультет дагестанской филологии) получил 21 (12/9) студент, в 2005 году – 16 (8/8) студентов.

В настоящее время отмечаются первые шаги по возобновлению традиции кавказоведения в Азербайджане, связанной с именами замечательных исследователей **В. Л. Гукасяна** (удинский язык) и **Ш. М. Саадиева** (крызский и лезгинский языки), которые в позднесоветский период работали в Институте языкознания АН АзССР. Так, в Бакинском государственном университете открыты кафедры и отделения семитологии, античных языков и кавказоведения. В Бакинском славянском университете недавно было создано научное общество «Кавказ. Языки и культуры», в 2005 году издавшее свой первый сборник.

При Институте по правам человека Академии наук Азербайджана был образован общественный совет по делам национальных меньшинств Азербайджана, действующий на постоянной основе с целью выработки правовой стратегии, механизма существования и деятельности национальных общин в Азербайджане с учетом Европейской конвенции по правам человека. Заседания общественного совета по делам нацменьшинств будут проходить ежемесячно. Как сообщает газета «Эхо», в общественный совет вошли руководители татарской общины, лезгинского общества «Самур», общины европейских евреев, украинской общины, но он открыт и для представителей других национальных общин страны.

О пристальном внимании к проблемам межнациональных отношений в Азербайджане свидетельствовало и создание в системе Академии наук Азербайджана Института национальных отношений, один из научных отделов которого занимается изучением малых этносов республики. В настоящее время, впрочем, этот институт уже не существует, что явилось следствием тенденции к сокращению научных учреждений в Азербайджане.

Как подчеркивается в азербайджанских изданиях, упомянутый выше указ президента Азербайджана о защите прав и свобод национальных меньшинств от 1992 года – это первый государственный документ подобного рода, увидевший свет в бывших советских республиках. Со времени его издания было создано более 10 национально-культурных объединений дагестанцев, как пишет «**Дагестанская правда**» (www.dagpravda.ru/forum/diaspora24-12-03.htm), «объединенных под эгидой представительства Республики Дагестан в Азербайджанской Республике». Кроме того, как сообщается там же, «создан Координационный совет общественных организаций дагестанцев и дагестаноязычных народов, в рамках которого проводятся регулярные встречи, обсуждаются их проблемы и принимаются решения».

Тем не менее встретиться с главой представительства **Магомедом Курбановым** в Баку летом 2005 года нам не удалось. Его заместитель **Людмила Казиева** рассказала, что представительство не разрабатывает планы культурных мероприятий совместно с культурными центрами дагестано-язычных народов, т. е. координационная деятельность, о которой сообщала «Дагестанская правда», здесь по существу не ведется. В представительстве смогли дать адреса руководителей четырех культурных центров и посоветовали обратиться в посольство РФ, где имеется специальный сотрудник, занимающийся связями с соотечественниками. К сожалению, этот сотрудник (**В. А. Житников**) ответил, что сфера его деятельности – русскоязычные соотечественники.

Вопрос о том, что азербайджанские власти недостаточно заботятся о культурном развитии нацменьшинств, регулярно поднимают правозащитные организации республики. Вот что заявил по этому поводу известный азербайджанский правозащитник **Эльдар Зейналов**, выступая 19 декабря 2005 года в Баку на встрече по выполнению Рамочной конвенции о защите нацменьшинств: «Хотя Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств и была первой европейской конвенцией, ратифицированной Азербайджаном еще до вступления в Совет Европы, но процесс создания законодательных рамок для проблем национальных меньшинств не получил дальнейшего развития. Так, еще 4 года тому назад Азербайджан должен был ратифицировать Европейскую хартию по региональным языкам и языкам национальных меньшинств, а 2 года назад – принять закон „О национальных меньшинствах“. Это не было сделано, несмотря на принятые Азербайджаном обязательства. Однако даже хорошие законы сами по себе не гарантируют хорошей практики их исполнения. В этом контексте имеют огромное значение просвещение национальных меньшинств о их правах и обязанностях, достижение реальной независимости судебной власти от исполнительной власти, обеспечение участия национальных меньшинств во всех ветвях власти. Во всех этих областях ситуация обстоит неблагоприятно. Например, вы можете увидеть на книжных прилавках огромное количество пропагандистской литературы, изданной за государственный счет. И вместе с тем не увидите переводов на языки меньшинств (исключая русский) текста конституции, законов, касающихся культуры и местного самоуправления. Согласно указу президента, за государственный счет издаются

более 100 наименований книг азербайджанской и мировой классики, но ни одной книги на языках нерусских меньшинств. Здесь уже говорилось о школьном образовании на языках меньшинств. Большинство этих школ ограничиваются лишь начальными классами, никто не готовит программ для среднего образования, хотя у некоторых таких же народностей в Дагестане они есть. В педагогических университетах не готовят педагогов для школ нерусских нацменьшинств. Пренебрежение школьным образованием нацменьшинств дошло до того, что после перевода азербайджанского языка с кириллицы на латиницу не было сделано никакого распоряжения насчет алфавитов языков национальных меньшинств, и дети в ряде начальных школ мучаются от двойной нагрузки, изучая сразу и латиницу, и кириллицу. В случае ратификации хартии правительству придется потрудиться и над укреплением начальных и созданием средних школ для национальных меньшинств».

Были реализованы лишь те мероприятия плана, которые не требовали бюджетных расходов, в то время как наиболее важные пункты плана, способные реально улучшить положение народов Южного Дагестана, в том числе диаспор, не были выполнены. Помимо сложной финансовой ситуации в стране, причиной этого является явная недооценка со стороны федеральных министерств и ведомств остроты проблемы и политических последствий затягивания ее решения.

По данным **РИА «Дагестан»**, сейчас в Азербайджане действуют следующие национально-культурные центры дагестаноязычных народов:

- национально-культурный центр «Дагестан» (руководитель Сулейман Сулейманов, г. Баку);
- общество горско-дагестаноязычных народов (руководитель Гичибек Мусаев, г. Баку);
- лезгинский национальный центр «Самур» (руководитель Али Мусаев, г. Баку);
- будухский культурный центр (руководитель Вагиф Пириев, г. Баку);
- крызский культурный центр (руководитель Имран Халилов, г. Баку);
- цахурский культурный центр (руководитель Мехти Салихов, г. Закаталы);
- удинский культурный центр (руководитель Георги Кечаари, с. Нидж Габалинского района);
- хиналугский культурный центр (основатель – ныне покойный Рагим Алхас, с. Хиналуг Кубинского района).

Неожиданно для многих в 2005 году филиал Дагестанского госуниверситета тоже оказался под ударом азербайджанских властей, поставивших вопрос о призыве его студентов в армию. Это было связано с отсутствием у вуза регистрации в Министерстве образования Азербайджана. Точно такая же проблема возникла тогда у 15 филиалов других российских вузов в Азербайджане. Как отмечала азербайджанская пресса, с чисто юридической точки зрения вопрос о призыве студентов в армию, несомненно, мог быть поставлен, однако это нарушало некоторые неформальные договоренности, существовавшие между российскими и азербайджанскими чиновниками от образования. Более того, закон позволял призвать студентов из филиалов российских вузов и в предыдущие годы, однако этого не делалось.

В ноябре 2005 года Министерство образования Азербайджана сообщило о начале «проверки» деятельности «незаконных» вузов, в числе которых были названы филиалы российских и украинских образовательных учреждений. После проверки было заявлено о том, что филиал Дагестанского университета работает в Баку незаконно. Какие последствия вызовет это решение, пока неясно.

ГЛАВА 4 **Ареалы расселения, культура, образование, языки**

ЛЕЗГИНЫ

ЛЕЗГИНЫ ЖИВУТ В ОСНОВНОМ в Кусарском, Кубинском и некоторых других

районах Северного Азербайджана. Эта территория в свое время входила в состав образованного в середине XVIII века Кубинского ханства, что, по-видимому, и обусловило в дальнейшем административную раздельность этих территорий от других лезгинских земель, объединенных в свое время (начало XIX века) в Кюринское ханство. Одну из первых характеристик азербайджанских лезгин дал в свое время **П. К. Услар**, основатель научного кавказоведения, в своей книге «Кюринский язык» [Услар 1896]:

«Правое побережье Самура, по самым условиям географического положения своего, всегда входило в состав Кубинского ханства. Под именем Кубинского ханства подразумеваем мы страну, находящуюся между нижним Самуром и главным Кавказским хребтом, который на этом протяжении все более и более понижается, становится удобопереходимым и, наконец, исчезает на Апшеронском полуострове. Впрочем, Куба, в виде центрально-административного пункта, сообщившего название свое целой стране, появляется не ранее середины прошлого века. Страна эта в прежние времена управлялась наследственными правителями, более или менее признававшими над собою власть правительства персидского. Резиденцией их было селение Худат; родоначальником династии некто Лезги-Ахмед. По преданию, он был из фамилии уцмиев, переселился в Карчаг, и, потом, в Персию, откуда возвратился в звании правителя края в Худат. В настоящее время бывшее Кубинское ханство составляет Кубинский уезд Бакинской губернии, который административно отделен от Дагестана.

В полосе страны, сопровождающей справа течение Самура, шириною почти до самого города Кубы, господствующее народонаселение есть кюринское, говорящее тем самым языком, которым говорят в бывшем Кюринском ханстве. **Н. Зейдлиц**, составивший весьма веское в этнографии Кавказа описание Бакинской губернии, насчитал в Кубинском уезде 50 аулов и 21 выселок, жители которых целиком или частью говорят по-кюрински (т. е. по-лезгински. – *Авт.*)» [Зейдлиц 1870].

Установление точного списка селений, в которых проживают азербайджанские лезгины, остается пока нерешенной задачей. Один из наиболее полных списков был опубликован в [Clifton 2002: 24]. Он включает в себя 30 сел Кусарского района, 11 сел Кубинского района, 10 сел Хачмазского района, 3 села Исмаиллинского района, 5 сел Габлинского района, по одному населенному пункту Огузского и Шекинского районов. Более полный список приведен в Приложении к этой книге.

Численность и процентная доля лезгинского населения в Азербайджане остались по сути неизменными по сравнению с 1989 годом: перепись 1999 года было зафиксировано 178 тысяч лезгин, или 2,2 % населения страны. Однако, как отмечает один из современных азербайджанских исследователей, вряд ли эти данные реально отражают численность народа: «Наши исследования, проведенные в 1994–1998 годах в северо-восточных районах страны, показывают, что на деле численность лезгин в Азербайджане колеблется в пределах 250–260 тысяч человек... Перепись показала, что большинство лезгин составляют трудоспособное население в возрасте 18–59 лет (55,9 % лезгин) и младше трудоспособного (33,2 % лезгин), что говорит о хорошей демографической перспективе этого народа. Средний возраст лезгин – 29 лет» [Юнусов 2001].

Речь азербайджанских лезгин квалифицируется учеными как кубинский диалект (кубинское наречие), в котором выделяется несколько говоров. В связи с соотношением кубинского диалекта и лезгинского литературного языка специалистами было высказано следующее мнение: «Современный лезгинский язык в силу ряда социально-политических условий жизни его носителей имеет два литературных варианта: один функционирует на территории южных районов (Ахтынского, Курахского, Магарамкентского, Сулейман-Стальского, частично Дербентского, Хивского) и городов Республики Дагестан, а другой – в некоторых северных районах Азербайджанской Республики и в ее городах Баку, Сумгаите, Кубе» [Гюльмагомедов 1998: 35].

Характеризуя азербайджанский вариант лезгинского языка, А. Гюльмагомедов пишет: «Несколько иной функциональный статус имеет лезгинский язык в Азербайджанской

Республике. В 1930-е и начале 1940-х годов в школах Кусарского района велось преподавание лезгинского языка, которое вскоре было прекращено как бесперспективное „мероприятие“. Очевидно, этому немало способствовала идеологическая установка об ускорении процессов „добровольной консолидации малых народов вокруг своих старших братьев“ и „добровольного отказа от родных языков в целях скорейшего слияния всех языков в единый всемирный язык“, которая имела место в СССР до последних лет его существования.

Лишь в середине 60-х годов после неоднократных обращений лезгинской интеллигенции в центральные партийные и советские органы Союза ССР и Азербайджанской ССР с требованием восстановить изучение родного языка хотя бы в начальных классах было указание издать учебную и художественную литературу на лезгинском языке. Был издан небольшим тиражом учебник **Ш. М. Саадиева** и А. Г. Гюльмагомедова „Лезги чІал“ („Лезгинский язык“) для 1-2-го классов (Баку, 1966) и два-три сборника произведений художественной литературы. Естественно, вскоре изучение лезгинского языка лезгинами прекратилось: не было учителей, специалистов, отсутствовала учебно-методическая литература.

В начале 90-х годов под давлением лезгинского народного движения „Садвал“ („Единство“), лезгинского национального центра культуры „Самур“ новые власти Азербайджана формально восстанавливают в школьных учебных планах изучение лезгинского языка в районах с компактным проживанием лезгинского населения, составляются учебные программы для начальных классов, в этом году изданы два учебника для первых двух классов (Саадиев, Ахмедов, Гюльмагомедов 1996 – а; 1996 – б). Однако широк спектр финансируемой спонсорами печатной продукции: произведения молодых поэтов, писателей – представителей кубинского наречия, буклеты, газетные публикации и др. Издаваемая на лезгинском языке в Азербайджане литература на лексико-фонетическом, морфолого-синтаксическом уровнях образует новый, отличный от дагестанского вариант литературного языка. Правильнее было бы назвать его не вариантом литературного языка, а конгломератом речевого материала различных говоров кубинского наречия лезгинского языка и индивидуальных речевых особенностей пишущего. При этом важно отметить: теоретической базой практически реализуемой письменной речи служат далекие от лингвистики декларации о „подлинном“, „настоящем“ лезгинском языке, „очищенном“ от всяких иноязычных элементов. В печати широко используют созданные ими самими слова, сопровождая их различного рода комментариями об их исконности, древности и т. д. Пишущая братия особенно агрессивна в отношении русизмов на разных языковых уровнях. В республике после смерти Ш. М. Саадиева нет ни одного специалиста по лезгинскому языку с ученой степенью» [Гюльмагомедов 1998: 36].

По данным переписи 1989 года, 47,5 % лезгин в Азербайджане назвали азербайджанский язык в качестве второго языка (после родного), которым они свободно владеют. Выборочное обследование Госкомстата Азербайджана в 1991 году показало, что почти пятая часть (19,2 %) лезгин состоят в смешанных (главным образом с азербайджанцами) браках, что является наиболее высоким показателем в стране. Знание родного, а также азербайджанского и русского языков в различных лезгиноязычных районах Азербайджана было исследовано группой ученых Летнего института лингвистики [Clifton 2002]. Краткий обзор результатов их исследования приводится ниже.

Во всех населенных пунктах, за исключением Баку, взрослые лезгины отметили, что они способны хорошо понимать и говорить на лезгинском как на родном. Они обычно используют лезгинский язык дома и в пределах лезгиноговорящего коллектива. В городе Набран Хачмазского района люди старшего возраста предпочитают говорить на лезгинском, более молодые люди понимают и говорят по-лезгински, но часто предпочитают говорить на русском.

В Баку большинство взрослых понимают и говорят на лезгинском очень хорошо, но некоторые лезгины (городские жители третьего или четвертого поколения, имеющие слабые

контакты с негородскими лезгинами) плохо владеют языком. Эта группа составляет приблизительно 10–30 % общего числа лезгин в Баку.

Высокий уровень грамотности на лезгинском языке был засвидетельствован только в Кусарском районе, где язык преподается в школах все одиннадцать классов. После окончания школы взрослые продолжают читать районную газету на азербайджанском и лезгинском, некоторые кусарские жители отметили, что читают лезгинскую поэзию.

В Кубинском и Хачмазском районах навыки чтения и письма на лезгинском оказались очень низкими. Причиной тому – отсутствие до последнего времени одиннадцатилетнего обучения на лезгинском, а также материалов для чтения вне школы. Потребности в литературе, по мнению многих респондентов, в состоянии выполнить азербайджанский язык.

Во всех деревнях респонденты отметили трудности понимания литературного лезгинского, основанного на диалекте, распространенном в Дагестане, а также сложность лезгинского алфавита.

Устное владение азербайджанским языком было хорошим или удовлетворительным в Наброне, во всех других населенных пунктах его уровень оказался высоким почти для всех возрастных групп. Владение азербайджанским письмом слегка ниже, чем владение устным азербайджанским.

Преподаватели школ и детских садов Кусарского района указали, что дети дошкольного возраста еще не говорят и не понимают азербайджанского языка, поскольку редко непосредственно соприкасаются с этим языком, несмотря на телевидение и радио.

Высокий уровень владения русским языком отмечен только в Наброне. В других районах он ниже среднего, причем у женщин он оказывается еще ниже, что увязывается со службой мужчин в свое время в Советской армии.

Особенно низкий уровень владения русским языком показали женщины старшего возраста и молодое поколение, что вызвано азербайджано-язычным обучением в школах. У молодежи знание письменного русского обычно выше знания устного. В Баку фиксируется высокий уровень владения русским языком. Некоторые молодые люди указывали, что русский – это язык, которым они владеют наиболее хорошо.

Кроме того, авторы исследования подчеркивают разнообразие социолингвистических ситуаций среди лезгиноговорящих языковых коллективов Азербайджана.

В Азербайджане на сегодняшний день действует целый ряд лезгинских культурных институтов. Работает Государственный кусарский лезгинский драматический театр. 10 июня 2005 года театр выступил в помещении Бакинского государственного театра юного зрителя с постановкой на лезгинском языке пьесы азербайджанского драматурга С. С. Ахундова «Скупой». Кубинский филиал Азербайджанского государственного университета искусств имени М. А. Алиева, Кусарский филиал педагогического училища имени М. А. Сабира готовят педагогические кадры для дагестанских тюрков (азербайджанцев), местного населения и малочисленных народов.

Действует также лезгинский национальный центр «Самур». В политическом отношении он лоялен государственной власти. В канун президентских выборов 2003 года на собрании представителей всех проживающих в Азербайджане общин и организаций национальных меньшинств председатель лезгинского культурного центра «Самур» **Мурадага Мурадагаев** заявил, что со дня своего образования в 1993 году эта организация сознательно и добровольно «придерживалась проправительственного курса». «За каждым из членов нашей организации стоят люди – родственники, друзья, знакомые, – все вместе мы станем внушительной силой. И уважая решение президента Гейдара Алиева, мы отдадим свои голоса за его сына», – сказал М. Мурадагаев («Зеркало», 12.10.2003 г.). Центру «Самур» предоставлено ежедневно 15 минут эфирного времени для вещания по республиканскому радио.

Газеты «**Ени самух**» и «**Алпан**» учреждены Центром лезгинской культуры и выходят на лезгинском и азербайджанском языках тиражом каждая более 1000 экземпляров. В Кусарском районе на лезгинском языке печатается газета «**Кусар**».

Значительную работу по духовному единению лезгин как в пределах Азербайджана, так и во всем мире, по налаживанию культурных связей между азербайджанскими и дагестанскими лезгинами с 1992 года ведет газета «**Самур**», издаваемая в Баку тиражом в 2000 экземпляров. Финансовые и иные проблемы вынудили редакцию сократить количество номеров до одного в месяц (ранее – 2 раза в месяц). Тем не менее газета старается оперативно информировать читателей о новостях культурной жизни, поднимать злободневные вопросы, волнующие каждого читателя. Газета выходит на трех языках: лезгинском, азербайджанском и русском. Как сказали автору этих строк в редакции газеты, практически все статьи для нее пишут лезгины. Знакомство с номерами последних трех лет отчетливо показывает основную линию газеты – сохранение родного языка, воспитание у читателей бережного к нему отношения (ср., например, статью **Седагет Керимовой** о языке – 23.02.2004 г.; материал о Дне родного языка – 25.02.2005 г.).

Важной своей задачей редакция считает знакомство с земляками, известными соотечественниками за рубежом, с исследователями лезгинского языка и лезгинской культуры – нашими современниками и деятелями прошлого. Эта тематическая часть материалов представлена как в виде очерков (например, о певице **Рагимат Гаджиевой** – 23.04.2004 г., языковеде **Магомед Гаджиеве** – 25.03.2004 г. и композиторе **Зейнале Гаджиеве** – 24.05.2005 г. – в рубрике «Наши знаменитости», о художнике **Дарвине Велибекове** – в рубрике «Гость „Самура“», о художнице **Багар Нуралиевой** – 27.09.2003 г., о чемпионке Азербайджана по художественной гимнастике **Аэлите Халафовой** – 26.01.2005 г., о московских лезгинах – 24.11.2004 г., 26.03.2005 г.), так и в форме интервью. Стараясь поднять уровень правового образования читателей, редакция на протяжении нескольких номеров публикует отрывки из «Гаагских рекомендаций по правам национальных меньшинств на образование».

Достаточно активно в Азербайджане работают лезгинские писатели. Одна из самых заметных среди них – редактор газеты «Самур» **Седагет Керимова**, которая родилась 30 марта 1953 года в селении Каладжуг Кусарского района. Она окончила среднюю школу в городе Кусары, факультет журналистики Азербайджанского государственного университета и там же аспирантуру (отделение философии). Работала в газетах «**Совет кенди**», «**Хаят**», «**Азербайджан**», «**Гюнай**». С 13 лет публикует стихи, рассказы и статьи в республиканских изданиях. В различных издательствах Азербайджана у нее вышло уже 10 книг: «Немой крик» – на азербайджанском языке, «Лезгинкадал илига» («Сыграй лезгинку») – книга стихов на лезгинском языке, «Къарагъ дуйня, лезгинкадал къуьлериз» («Вставай, мир, лезгинку пляши»), «Къайи рагъ» («Холодное солнце») и «Мад са гатфар» («Еще одна весна»), сборник прозаических произведений «Блажная» и поэтический сборник «За семью горами» – на русском языке (в переводах азербайджанских переводчиков) и другие.

С. Керимова преподавала лезгинский язык и литературу в Бакинском филиале Дагестанского государственного университета. Она же в 1996 году создала лезгинский инструментальный ансамбль «Сувар», в репертуар которого входят народные песни и танцы, а также сочинения самой Керимовой (более 100 песен). Ансамбль «Сувар» проводит широкую концертную деятельность. В 2004 году издано два альбома этой группы: «Зи хайи эл» и «Ягъ, са лезги макъам». К 50-летию юбилею С. Керимовой был издан биографический очерк на азербайджанском языке «Седагет» (М. Меликмамедов. Баку: Зия-Нурлан, 2004). Творческая деятельность С. Керимовой в области журналистики была отмечена премией «Золотое перо», премией имени Гасанбека Зардаби, премией имени Хуршудбану Натаван и премией имени Мехсети Гянджеви Независимого профсоюза СМИ Азербайджана. Она была также удостоена в 2003 году премии Мира Азербайджанского национального комитета Хельсинкской гражданской ассамблеи.

В активе **Музафера Меликмамедова** – поэтический сборник «Шанидакай кьве виш мани» («Двести песен о любимой») (Баку: Дуйня, 1998), книга «Къубадин гьулгьула» об исторических событиях XIX века и другие произведения. Отметим также сборник стихов Гуьлбес Асланхановой «Вун рикъеваз» («С тобой в сердце») (Баку: Зия-Нурлан, 2004),

антологию «Акъата шегъредиз» (2000) и др. Событием в культурной жизни последних лет стал и выход лезгинского эпоса «Шарвили» на азербайджанском языке.

С. Керимова и М. Меликмамедов осуществили перевод на лезгинский язык Европейской рамочной конвенции по защите национальных меньшинств (Баку, 2005, тираж 1000 экз.). Газета «**Азербайджанские известия**» (19.07.2005 г.) писала по этому поводу: «Подобная акция стала возможной благодаря финансовой поддержке Совета Европы, который патронирует подобные проекты во многих странах мира. Комментируя это событие, координатор проекта **Залиха Тагирова** особо отметила довольно значимую роль активистов тальшского проекта по правам человека и лезгинского культурного центра „Самур“, благодаря которым осуществлялся скрупулезный перевод текстов. „Мы не случайно выбрали для перевода на языки нацменьшинств текст именно этой, первой из ратифицированных страной европейских конвенций, – говорит З. Тагирова. – Думаю, что работу в этом направлении необходимо продолжить. Однако она не должна оставаться уделом лишь отдельных энтузиастов. Я надеюсь, что наше начинание привлечет внимание специалистов и потенциальных спонсоров, которые окажут поддержку в издании книг на языках национальных меньшинств, проживающих в Азербайджане“».

АВАРЦЫ

ПО ПЕРЕПИСИ 1989 ГОДА, число аварцев в Азербайджане составляло 44,1 тысячи человек (в 1970 году – 30 736 человек, в 1981 году – 36 тысяч человек). По данным переписи 1999 года, количество аварцев в Закатальском районе составляло 26 тысяч человек (20,8 % жителей района), в Белоканском районе – 24,4 тыс. (26,2 % жителей района), а в Кахском районе Азербайджана – 0,2 тыс. человек (0,3 %). Таким образом, как отмечают азербайджанские издания последних лет, «за истекшие 10 лет численность аварцев осталась практически неизменной и ныне составляет 50,9 тысячи человек, или 0,6 % населения республики. Проживают они в основном в двух районах – Закатальском (51 %) и Белоканском (48 %). Причем в основе своей аварцы – сельчане (92,1 %), в городах проживает только 7,9 % аварцев» [Юнусов 2001].

Однако с приведенными цифрами согласны далеко не все. Так, дагестанская исследовательница Б. М. Гусейнова, сопоставляя эти данные с результатами переписей конца XIX – начала XX века, отмечает: «Это, конечно, удивительно, если вспомнить, что авароязычных проживало там, согласно материалам российской общеимперской переписи, в 1897 году – 30 тысяч; к 1905 году их численность, вероятно, возросла – возможно, до 34 тысяч; к 1914 году, в Закатальском округе „горцы-аварцы“ имели численность в 52 тысячи душ. То есть почти за столетие количество аварцев уменьшилось в пределах Азербайджанской Республики, на своей этнической территории, на 2 %, в то время как в Дагестане численность азербайджанцев возросла за это же время на 550 %...» [Гусейнова 2004: 3–4].

С официальными результатами несколько расходятся и данные американских специалистов – членов Группы Северной Евразии Международного летнего института лингвистики, которые проводили социолингвистические исследования в Азербайджане в 1998–2002 годах. По их подсчетам, в частности, на 2000 год количество аварцев только в Закатальском и Белоканском районах составляло около 57 тысяч человек [Clifton 2003: 3–4].

По словам современного дагестанского исследователя И. А. Дибирова, «в настоящее время, по уточненным данным, по месту проживания число носителей закатальского диалекта аварского языка (то есть аварцев, проживающих на северо-западе современного Азербайджана. – Авт.) доходит до 80 тысяч» [Дибиров 2000: 4]. Он же приводит и перечень сел по районам, где проживают носители этого диалекта: Закатальский район – села Гегам, Чокакоба, Динчи, А. Чардахлар, Чар, Кебельоба, Цилибан, Маков, Абалы, Войтала, Йолайрыдж, Ойтала, Пашан, Мацех, Беретбина, Кабиздара, Джиджигана, Узунтала, Кандак,

Ю. Тала, Ю. Чардахлар; Белоканский район – села Кайса, Абжит, Катех, Беретбина, Мазымкара, Цалбан, Мешашамбул, Газбеллюк, Бичигарбина, Кодошбина, Камыштала, Моллачибина, Пиргах, Халатала, Герюджюк, Шамбул, Кильсябугув, Чедеровтала, Шариф, Магамалар, Рочахмед, Пуштатала, Чеддер, Газбина, Кабахчели – всего 46 селений.

В целом же в Закатальском и Белоканском районах проживает 96,1 % от всего авароязычного населения Азербайджана. Кроме того, аварцы компактно проживают и в Кахском районе Азербайджана.

В ряде дагестанских исследований называются еще более крупные цифры: «В настоящее время власти Республики Азербайджан говорят о наличии на своей территории 50 тысяч местных по происхождению аварцев, но в некоторых азербайджанских источниках фигурирует еще и другая цифра – 150 тысяч» [Айтберов 2002: 19]. (Ср. также данные дагестанского еженедельника «**Черновик**», приведенные в главе 1.)

В историческом плане интерес представляет следующее замечание относительно ареала расселения аварцев: «На территории Белоканского района Азербайджана некоторые аварские населенные пункты, существующие, кстати, и поныне, отмечаются письменными и иными историческими источниками со времен Средневековья. Это прежде всего город Белоканы (Билкан), который упоминается в грузинских текстах при описании событий второй половины XIII века, а затем – под 1310 и 1392 годами, и сел. Катех (К1иш1их//К1уш1их), фиксируемое в одном из грузинских документов под 1020 годом» [Гусейнова 2004: 24].

Еще в начале XX века аварцы составляли 65 % населения Закатальского округа, составлявшего 81 тысячу человек. Изучая расселение дагестано-язычных народов в Восточном Закавказье, дагестанский исследователь Б. М. Гусейнова отмечает: «В Белоканском районе Азербайджана поселений аварских немало. В основном они средние по количеству жителей (по несколько сотен душ), но есть и огромные (по несколько тысяч душ), из числа которых можно упомянуть, к примеру, Магамалар (3100 душ), Катех (всего 5400 душ, большинство из которых аварцы) и поселок Кабахчел (более 20 тыс. душ). В общей сложности аварцами является, имея в виду здесь лиц, сохранивших язык и этническое самосознание, как минимум 60 %, а то и 70 % от всего восьмидесятичетырехтысячного населения района... В Закатальском районе Республики Азербайджан аварские селения средние по размеру, большие и есть даже огромные. Упомянем здесь в качестве примера Джар (2100 человек), Верхнее Тала (5600 душ, из которых 40–45 % до сих пор говорят на аварском языке), Гегям (1600 душ), Верхний Чардахлар (1500 душ), Даначы (5300 душ) и Мацех (1200 душ) и т. д.» [Гусейнова 2004: 3–4].

Аварская речь рассматриваемого региона в целом характеризуется как закатальский диалект аварского языка, достаточно близкий к другим южным диалектам аварского. Этот диалект, как и другие дагестанские языки на территории Азербайджана, подвергается значительному влиянию азербайджанского языка. Монографическое описание диалекта, осуществленное в 30-е годы прошлого столетия **А. Р. Махмудовым**, оставшееся до последнего времени единственным достоверным источником по диалекту, до сих пор не опубликовано. В последние годы на материале закатальского диалекта появился ряд специальных статей, написанных **П. А. Саидовой**, **М. Ч. Чеерчиевым** и другими исследователями. Достаточно много внимания диалекту уделено в сводной работе И. А. Дибирова ⁴.

Ситуация со знанием родного языка была наиболее подробно описана в [Clifton 2003: 8]: «Во всех селениях, которые мы посетили, люди всех возрастов ответили, что говорят друг с другом по-аварски. До поступления в школу многие дети говорят только по-аварски. Владение устной речью очень высоко в селениях с гомогенным аварским составом населения. В то же время отмечалось, что в селениях со смешанным этническим составом проявляется тенденция к более слабому владению аварским языком. В Баку в целом

владение аварским языком среди этнических аварцев низкое. Литературный аварский язык оказывается сложным для аварцев Азербайджана. Очень немногие аварцы, живут ли они в городах или деревнях, могут говорить, читать или писать на нем. Преподавательница аварского языка, носитель азербайджанского аварского, отмечала, что после многих лет учебы она все еще не освоила полностью литературный аварский. В действительности она более уверенно чувствует себя в азербайджанской грамматике, нежели в грамматике литературного аварского языка».

По разным источникам, этнокультурная деятельность аварского сообщества координируется следующими образованиями: Аварский культурный центр (руководитель **Магомед Тинаев**, г. Баку), Центр им. имама Шамиля (**Магомед Омар оглы Исаев**, г. Баку), Аварское общество (**Шамиль Джабраилович Мамедов**, с. Джар Закатальского района). По словам Ш. Мамедова, деятельность общества в последнее время по существу приостановлена, после того как в 1998 году власти не разрешили им проводить концерт в с. Закаталы.

Газета «**Авар**» выпускается Аварским культурным центром на аварском и азербайджанском языках тиражом 300 экземпляров.

ЦАХУРЫ

ЦАХУРЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ в основном проживают в Закатальском (81 %) и Кахском (18 %) районах. Так же, как и аварцы, цахуры в своей основе сельские жители: только 17 % живут в городах Закаталы и Кахи, остальные 83 % – в селах (см., напр., [Юнусов 2001]).

Как отмечает известный махачкалинский исследователь цахуров **Г. Х. Ибрагимов** [1990: 3], полностью цахурскими являются 16 селений Азербайджана: Агдам-Калял, Сувагиль, Кае, Каркай, Калалу, Сабунчи, Аласкар, Мухах, Мамрух, Гезбарах, Мишлеш (параллельное название – Чинчар), Лякит-Кетюклю, Кум, Чинар, Узюмлю, Алибайрамлы. В семи пунктах Закатальского и Кахского районов представлено смешанное население: Джим-джимах (азербайджанцы – цахуры), Чардахлар (аварцы – цахуры), Тала (аварцы – цахуры – азербайджанцы), Гюллюк (азербайджанцы – цахуры), Зарна (азербайджанцы – цахуры). По данным Г. Х. Ибрагимова, на 1 января 1974 года в Закаталах из общего числа населения 16 500 человек число цахуров составляло 4125 человек. Из крупных городов, как сообщает Ибрагимов, цахуры живут в Баку, Сумгаите, Мингечауре. «Цахуры, проживающие в АзССР, в подавляющем большинстве записываются азербайджанцами и предпочитают общаться на азербайджанском языке», – отмечал Ибрагимов.

В современных дагестанских исторических работах не раз указывалось на то, что азербайджанские цахуры, как и лезгины, в древности были связаны с Кавказской Албанией: «О появлении цахуров на этой территории [в Закатальском и Кахском районах] также существуют различные мнения. Несмотря на то что имеются народные предания и исторические сведения, зафиксированные еще в XIX веке и свидетельствующие о переселении цахуров с противоположного склона Большого Кавказского хребта, с территории нынешнего Дагестана, в исторической науке существует довольно убедительная гипотеза о генетической связи цахуров с одним из албанских племен – джигбами. По всей видимости, данное обстоятельство свидетельствует о том, что в формировании всех без исключения этносов данного региона значительную роль сыграли албанские племена, ареал расселения которых включал современную территорию не только Северного Азербайджана, но и Южного Дагестана. Тем не менее из исторических источников известно, что более 400 лет назад выходцы из селения Цахур [ныне Рутульский район Дагестана], расположенного в одном из ущелий у Самурчая, перейдя на западные склоны Кавказского хребта, основали село Сарыбаш, поныне существующее и представляющее большую историко-архитектурную ценность. Позднее ареал расселения цахуров увеличивался» [Этнические дагестанцы...].

Еще в начале 1930-х годов в Дагестане была создана письменность на основе цахурского (цахского) алфавита, разработанного **А. Н. Генко**. Тогда же видный тюрколог и кавказовед **С. А. Джафаров** написал ряд учебников на цахурском языке для начальных школ. Он же осуществил перевод на цахурский язык нескольких произведений русской детской литературы для внеклассного чтения. При этом в основу учебников и переводной литературы был положен говор села Цахур (Дагестан). Начальное обучение в цахурских школах на родном языке просуществовало с 1935 по 1938 год и возобновилось уже в 90-е годы прошлого столетия.

В настоящее время в Азербайджане на цахурском языке проводятся уроки в 12 школах Закатальского района. В этих школах в общей сложности 46 начальных (1-4-й) классов, где обучаются 1150 учеников. Азбука на цахурском языке на латинской основе была опубликована в Баку в 1996 году. Изданный до этого в Махачкале букварь на кириллице был предназначен как для дагестанских, так и для азербайджанских цахуров (Ибрагимов Г. Х., Исаев Н. Г. Букварь. – Махачкала, 1993).

Деятельность Цахурского культурного центра, расположенного в Закаталах, концентрируется вокруг создания танцевальных и певческих коллективов. Один из них – «Джейранум» состоит из 20 молодых людей и выступает в Закаталах и Баку [см. Clifton 2003: 29].

Изданий на цахурском языке в Азербайджане практически не появляется. Цахурская газета «**Нур**», выходящая в Махачкале на русском и цахурском языках при поддержке правительства Дагестана, в Азербайджан попадает нерегулярно.

Вместе с тем дагестанские и азербайджанские цахуры достаточно четко осознают, что представляют собой один народ. В 1995–1996 годах экспедиция МГУ под руководством **А. Е. Кибрика**, работавшая в Цахурском районе Дагестана, записала большое количество рассказов жителей о прошлом своего народа, о своих соплеменниках. Весьма часто дагестанские цахуры рассказывали именно о цахурах азербайджанских, показывая хорошее знание всех деталей жизни своего народа по ту сторону Кавказского хребта [Кибрик (ред.) 1999]. Во времена СССР взаимопроникновение дагестанских и азербайджанских цахуров было довольно большим: хотя дорога на автотранспорте от верховьев Самура, где цахуры живут в Дагестане, до Закатальского района Азербайджана занимает минимум 10 часов, при отсутствии госграницы между Азербайджаном и Россией возможен был пеший переход через хребет. Еще в первой половине 1990-х годов многие дагестанские цахуры пользовались им, отправляясь на заработки или даже просто в гости к своим родственникам в Азербайджан. По мере усиления охраны границы это стало весьма затруднительно.

АХВАХЦЫ

АХВАХЦЫ – НАРОД, родственник аварцам. В Дагестане являются коренными жителями Ахвахского района. Их численность в Дагестане, согласно переписи 2002 года, составляет 6362 человека.

В Азербайджане носители ахвахского языка проживают в селении Охох-дере/Ахвах-дере Закатальского района (около 2 тысяч человек). Как отмечается в специальной литературе, там живут переселенцы из различных ахвахских селений. Их речь до настоящего времени не исследована. Отдельные ее аспекты освещаются И. А. Дибировым 5.

РУТУЛЬЦЫ

РУТУЛЬСКИЙ ЯЗЫК на территории Азербайджана представлен в Кахском районе в селении Хырса, а также в трех селениях Шекинского района: Шин, Шор-су и Даш-юз. Основная же часть рутульцев проживает в Рутульском районе Дагестана (общая численность рутульцев в Дагестане, по данным переписи 2002 года, – 24 298 человек). Рутульский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи.

Образование рутульских селений в Азербайджане обязано относительно поздним процессам миграции. В основном это переселенцы из горных дагестанских сел, перебравшиеся в Азербайджан в 1930-х годах и в послевоенные годы [см. Дибиров 2001: 19–20].

Какой-либо самостоятельной политической или культурной активности рутульцев в Азербайджане не зафиксировано. Скорее всего это объясняется их малой численностью, а также статусом относительно «новых» переселенцев. В азербайджанской переписи 1999 года рутульцы как отдельный народ не фиксировались.

УДИНЫ

УДИНЫ – МАЛОЧИСЛЕННЫЙ НАРОД нахско-дагестанской семьи, ареал расселения которого находится целиком на территории Закавказья, имеет совершенно особую историю. Дело в том, что еще в IV веке удины приняли христианство и по сей день многие из них исповедуют эту религию. Как отмечают исследователи, религия объясняет значительную историческую связь между армянами и удинами: «В связи с тем, что удины исповедывали христианство и жили по соседству с армянами, их практически невозможно бывает отличить в более или менее старых текстах от армян, абсолютно не родственных им по языку и происхождению. Дагестанцы-мусульмане прошлых столетий также не выделяли удин как какой-то особый кавказский народ (родственный себе) и называли их просто армянами» [Гусейнова 2004].

Вместе с тем исследователи отмечают, что, несмотря на принятие христианства, удины сохранили многие языческие культы, а также переняли многое от азербайджанцев, бок о бок с которыми живут много столетий: «Следует отметить, что, принимая христианство, удины соединили с ним свои древние религиозные представления. Церемониал праздников представляет собой смешение удинского языческого и христианского культов. Несмотря на различия в религии и языке, многовековое сосуществование удинского и азербайджанского народов способствовало выработке множества общих черт в их быту и культуре. Так, например, о древнем характере этих отношений говорит факт поклонения как азербайджанцев, так и удин одним святилищам. Даже при исполнении своих полухристианских-полуязыческих праздников (например, Вардавар) удины пели песни на азербайджанском языке» [Этнические дагестанцы].

Ниже мы приводим краткий историко-демографический очерк удин по материалам книги **Г. Джавадова** и **Р. Гусейнова**⁶, вышедшей в Баку.

Согласно этим авторам, удины (самоназвание – *уди*) принадлежат к одному из 26 племен, составлявших Албанское царство. Первые сведения об удилах, как полагают, появились в работе древнегреческого историка V в. до н. э. Геродота, писавшего в своей «Истории» об *утиях*. Они же упомянуты в «Географии» древнегреческого писателя I в. до н. э. Страбона в связи с описанием Каспийского моря и Кавказской Албании. В «Географии» древнегреческого писателя II в. н. э. Птолемея среди различных племен, живущих у Каспийского моря, перечисляются и *уды*. Современный термин *удины* появляется впервые в «Естественной истории» римского автора I в. н. э. Плиния Старшего.

Подробные сведения об удилах содержатся в «Истории албан» Моисея Утийского, жившего в VIII в. и, по его собственным словам, принадлежавшего к удинскому племени.

Среди исследователей есть точка зрения, что государственный язык Кавказской Албании – царства, существовавшего в Закавказье в III в. до н. э. – VII в. н. э., – представлял собой древнюю разновидность удинского языка.

В начале IV в. жители Кавказской Албании, в их числе удины, наряду со своими соседями – армянами и грузинами приняли христианство от сирийских миссионеров. В следующем столетии были созданы албанский алфавит и письменность, появилась переводная и оригинальная литература. Из албанских литературных памятников до нас дошли «Агуэнские каноны» V в., «Плач на смерть великого князя Гардманского Джаваншира» поэта Давдака (VII в.), «История албан» Моисея Утийского – его современника, «Албанская хроника» и «Судебник» Мхитара Гоша (XII в.), «История» Киракоса Гандзакского и «Каноны» Давида Гандзакского, живших в XIII в., а также эпиграфические памятники в Азербайджане и Южном Дагестане.

Удины – наследники Кавказской Албании, как и другие коренные народы Азербайджана, вели оседлый образ жизни, занимались многоотраслевым культурным земледелием, ремеслом и отгонным скотоводством, добычей полезных ископаемых.

После арабского завоевания Азербайджана в VII в. и включения всей страны в состав Арабского халифата подавляющая масса местного населения, в том числе удины, приняли ислам. Часть их сохранила прежнюю веру, вследствие чего в VII в. волею арабского халифа была подчинена армяно-григорианской церкви, которая уже с VI в. предпринимала попытки подчинить себе независимую Албанскую церковь. Начался процесс активной деэтнизации и арменизации удин-христиан. Удины сумели сохранить до наших дней свою самобытность и родной язык лишь в нынешних Габалинском и Огузском районах, хотя и там они испытали сильное влияние армянской церкви. Часть удин, переселившаяся из Огузского района в Грузию в 1920-е годы, перешла в грузинское православие.

В 1836 году Священный синод Русской православной церкви и российское правительство постановили ликвидировать престол и канцелярию албанского католикоса и передать удин-христиан в лоно армянской церкви.

Наиболее ранние достоверные сведения о численности удин, согласно Джавадову и Гусейнову ⁷, относятся к последней четверти XIX века: в 1880 году в Российской империи их было 10 тысяч, в конце того столетия – 8 тысяч, из них в селе Нидж (ныне Габалинский район Азербайджана) – 5 тысяч, в селе Варташен (ныне Огуз, центр Огузского района Азербайджана) – 3 тысячи, то есть все удины проживали в Азербайджане. В 1910 году их было зафиксировано 5900. Далее по всеобщим переписям населения: в 1897 году – 4 тысячи, 1926 году – 2500, 1939 году – 3700, 1979 году – 7000. Такая непоследовательность данных о численности удин в разные годы увязывается названными исследователями с тем, что данный малочисленный этнос учитывался, как и другие ему подобные, не по этнической принадлежности, а по иным параметрам:

1) в зависимости от поставленной властями цели или от успехов процесса деэтнизации (в данном случае азербайджанизации или арменизации);

2) по конфессии либо по месту расселения, по доминирующему там языку либо по заявленному в качестве родного; 3) по языку обучения или общения.

С XIX века удины получили возможность приобщиться к письменной культуре нового времени. В 1854 году в Нидже открылась первая удинская школа, затем в Варташене (Огузе) – сельское училище для удин с преподаванием на русском языке. Среди учителей имелись местные жители – удины. Для продолжения образования удины ездили на учебу в Москву, Гори (духовная семинария), Тифлис (средняя коммерческая школа). В 1931–1933 годах обучение удин в школах велось на родном языке, с 1937 года в Азербайджане – на азербайджанском и русском, в Грузии – на грузинском.

В советское время отношение властей к «удинской проблеме» неоднократно менялось. Так, в первой половине 1930-х годов было принято несколько решений, направленных на

сохранение самобытности удин. В частности, в апреле 1935 года ЦК Азербайджанской компартии принял постановление «По улучшению культурно-бытового и хозяйственно-политического обслуживания удин». Однако в 1937 году власти начали активную политику арменизации удин – в удинских школах пытались вести преподавание на незнакомом удином армянском языке, удинским фамилиям придали «армянские» окончания: Грегори – Григорян, Кылтаари – Кылтян, Кечаари – Кочарян и т. д.

Перепись 1989 года зафиксировала в Советском Союзе 8652 удина. Из них в Азербайджане – 6125, России – 1102, Грузии – 793, Казахстане – 366, Украине – 109, Узбекистане – 46, Туркмении – 32, Таджикистане – 31, Молдавии – 16, Белоруссии – 15, Латвии – 15, Киргизии – 2. В настоящее время в Азербайджане удины компактно проживают в селе Нидж – 4465 человек и в Огузе (Варташене) – 100 человек. Остальные места прежнего проживания в Азербайджане они покинули вследствие известных обстоятельств мирного и немирного характера, в особенности после начала армяно-азербайджанского конфликта в 1988 году, так как большинство удин носило на тот момент армянские фамилии.

На интернет-сайте www.ogaip.org, посвященном истории и культуре удин, можно прочитать такие воспоминания учителя-удина, до конца 1980-х годов работавшего в городе Сумгаит близ Баку: «В 1990 году я вынужден был оставить работу педагога в школе № 11 города Сумгаита, так как в мое отсутствие пришли зав. горно, инспектор, наряд милиции и потребовали удалить меня, как армянина, из школы. Директор не смогла им доказать, что я – удин. А ведь я проработал в школе 38 лет, создал единственный в СССР кабинет технических средств в преподавании истории, с опытом которого знакомились учителя из Москвы, Ленинграда, других городов, а также из Венгрии, Польши, Чехословакии и даже из Китая. О моем кабинете писали „Правда“, „Известия“, „Учительская газета“ и др. Через год была захвачена моя квартира в Сумгаите вместе с мебелью. Правда, городскими властями было принято решение о ее возврате и дело направлено в суд, но там его не приняли к рассмотрению. Я сам ходил на прием к И. Оруджеву, советнику президента по национальным вопросам, и он тоже обещал мне помочь, но... Мой младший брат Эдуард, лишившись жилья, вынужден был уехать из города; средний брат Марен не может вернуть себе нашу настоящую фамилию – Кылтаари и свою квартиру».

До сих пор основная масса удин Азербайджана занимается земледелием. Удины владеют азербайджанским языком, часть знает русский. Обучение в школах Ниджа ведется на обоих этих языках, а также на родном.

Появившееся в начале 1990-х годов в Баку общество удин «Ораин» («Родник», председатель – **Роберт Мобили**) призвано способствовать сохранению и развитию родного языка и самобытности; готовит и издает литературу и учебные пособия по удинскому языку, который преподается в начальных классах школ Ниджа для его коренных жителей; печатает сборники удинского фольклора, как и рассказов единственного в настоящее время удинского писателя Яши Удина, проживающего в Саратове; пропагандирует историю и культуру удин как составную часть общеазербайджанской; поддерживает связи с удинами, проживающими за пределами своей исторической родины, в том числе с удинским обществом «Родник» в Екатеринбурге.

В печати (напр., Акпер Алиев. «Удины». – Интернет-сайт www.azertgos.ru, декабрь 2005 г.) в последнее время высказывалось предложение создать на базе селения Нидж историко-этнографический музей под открытым небом и восстановить здесь один из раннесредневековых храмов Албанской церкви. В связи с этим предлагается также поднять вопрос о признании недействительным решения Священного синода Русской православной церкви и российского правительства от 1836 года о ликвидации албанского католикосата и возродить Албанскую автокефальную церковь, ведущую свою историю с IV века, то есть принадлежащую к числу старейших на земле христианских общин.

В ответ на отмечавшиеся выше предложения в 2003 году Госкомитетом по работе с религиозными общинами Азербайджана была зарегистрирована удино-албанская христианская община (глава общины **Роберт Мобили/Георги Кечаари**). Завершается

восстановление с помощью Норвежской гуманитарной миссии церкви в с. Нидж.

В апреле 1991 года общество удин, проживающих в Екатеринбурге, опубликовало в издаваемой им газете «Родник» обращение к своим землякам на далекой родине в Азербайджане, где говорится: «Историко-генетические корни нашего народа, народов Азербайджана едины. Поэтому никакие различия (ни национальные, ни религиозные, ни другие) не могут быть причиной раздора и конфликтов между нашими народами. Мы уверены, что только такое понимание межнациональных, межрелигиозных и других отношений может быть единственно верным и исторически логически правильным».

Во многом за счет государства или благодаря спонсорской помощи Норвежской гуманитарной миссии нередко выходят в свет удинские книги: «*Нана очьал*» («Родная земля») (Баку, 1996) – сборник стихотворений (на кириллице); «*Орайин*» («Родник») (Баку, 2001) – сборник стихотворений, переводов, образцов фольклора (на латинице). К числу поддержанных норвежскими спонсорами книг относится также монография Г. Джавадова и Р. Гусейнова «Удины» (Баку, 1999) и перевод на английский язык удинского фольклора (Georgi Kechaari. Waterspring. 24 стр.).

Вместе с тем попыток придать «удинскому вопросу» политический характер не было. Это можно объяснить значительной степенью ассимилированности удин, а с другой стороны – их внутренними различиями по религиозной принадлежности.

ХИНАЛУГЦЫ

ХИНАЛУГЦЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ проживают в селении Хиналуг в Кубинском районе (2300 м над уровнем моря), а также в селении Пирсагат Али-Байрамлинского района. Некоторые семьи живут в городе Куба, в селении Гюлюстан (Владимировка), в других населенных пунктах Кубинского района и в селении Вандам Огузского района. Село Хиналуг, один из наиболее удаленных и труднодоступных уголков Шахдага, находится на расстоянии не менее 10 км от близлежащих населенных пунктов, причем ведет в село трудная горная дорога. Это обстоятельство, по-видимому, во многом способствовало сохранению небольшой этнической группы хиналугцев с ее собственным языком и специфической традиционной культурой, материальной и духовной, которая вместе с преобладающей у хиналугцев эндогамией обеспечивает достаточно изолированный образ жизни. В 1920 году насчитывалось 2196 хиналугцев, в 1926 году – 1448; перепись населения 1970 года зафиксировала 1754 жителя селения Хиналуг. По последним данным [Clifton 2002], большинство носителей хиналугского языка живет в селениях Хиналуг (250 домов, около 1700 человек) и Гюлюстан (Владимировка) в Кубинском районе. В целом насчитывается до 3000 хиналугцев в Кубинском районе, около 100 в Хачмазском районе и несколько семей в Габалинском.

Хиналугский язык – бесписьменный, используемый только в семье, в доме, не имеет диалектов. Хиналугцы, как и все этнические меньшинства в Азербайджане, двуязычны. В общественной жизни используется и азербайджанский язык. Жители селения Хиналуг характеризуются высоким уровнем владения азербайджанским языком, причем молодое поколение использует азербайджанский интенсивнее, чем старшие. Азербайджанский язык используется в селении при разговоре с не-хиналугцами, для официальных или образовательных целей, а также во многих ситуациях вне селения. Учащиеся и преподаватели в школе говорят только по-азербайджански. Среди жителей Хиналуга уровень владения родным языком очень высок среди людей всех возрастных групп, как мужчин, так и женщин. Дети дошкольного возраста часто говорят только на хиналугском.

Хиналугцы – мусульмане-сунниты. В селении имеется мечеть.

Самоназвание хиналугцев – *каьттид*. Если не считать упоминание слова «хыналыг» арабским географом VIII века Якутом Хамави, то вплоть до начала XIX века хиналугцы в письменных источниках не упоминались. Лишь в 30-х годах XIX века, описывая Кубинскую

зону Азербайджана, русский ученый **В. С. Легкобытов (1806–1860)** писал о селе Хыналыг и его обитателях, отмечая, что хиналугцы ведут оседлый образ жизни, занимаясь в основном скотоводством [Этнические дагестанцы...: 40].

С 1836 года хиналугцы вместе с другими коренными группами Большого Кавказа стали включаться в статистические, этнографические, топографические и экономические отчеты Российского государства. Демографическая информация XIX и XX столетий свидетельствует о значительном колебании числа хиналугцев. Причиной этого стало частичное перемещение в равнинные области Азербайджана и этническая ассимиляция с азербайджанцами. В переписи 1959 года и последующих переписях хиналугцы вообще не признавались как отдельная этническая группа.

В современном Хиналуге имеется три библиотеки, две школы и клуб. В школе насчитывается 350–400 учащихся и 15–16 преподавателей (все хиналугцы, большинство с высшим образованием). Обучение осуществляется на азербайджанском языке. Высшее образование хиналугцы получают в Баку или Гяндже. Женщины всегда остаются в селении. Два этнических хиналугца – члены Национальной академии наук Азербайджана. Поэт **Рагим Алхас** издавал на родном языке свои произведения (с использованием кириллицы).

Некоторые хиналугцы имеют второй дом на равнине или близ города Куба, некоторые, особенно пожилые, проживают в этих районах с родственниками, как правило, в зимнее время. Большинство людей в Хиналуге – пастухи. Стоимость транспорта повышает в селе цену основных пищевых продуктов, поставляемых из города. Девочки из селения Хиналуг обычно выходят замуж в 16 лет, но мужчины могут жениться уже в 30.

Уроки хиналугского языка с 1-го по 4-й класс проводились с 1993 по 1999 год. Учебники для этих классов были разработаны Рагимом Алхасом. Уроки были прекращены, как полагают, вследствие большей заинтересованности родителей в том, чтобы их дети научились хорошо читать и писать по-азербайджански. Латинская орфография азербайджанского языка затрудняет усвоение кириллического алфавита хиналугского языка. Уроки русского языка – 2 часа в неделю.

Хиналугские семьи, уезжающие из селения, часто продолжают говорить дома на хиналугском. Дети, рожденные вне селения, могут говорить по-азербайджански лучше, чем по-хиналугски, из-за тесных контактов с азербайджанцами.

Для многих людей, живущих в Хиналуге, уровень владения русским языком ограничен тем, что они узнали в школе и через пассивное слушание телевидения и радио. Мужчины в целом знают русский лучше, поскольку имели контакты с русскоговорящими через работу или во время службы в армии. Молодые женщины чаще всего вообще не говорят по-русски.

Высокий уровень этнического самосознания среди хиналугцев во многом поддерживается благодаря деятельности таких патриотов родного языка, как уже упомянутый ныне покойный народный поэт, учитель (долгое время он работал директором школы) Рагим Алхас, член Союза писателей, ашугов и журналистов. Публиковавшийся поначалу на азербайджанском языке, он впоследствии стал печатать свои стихи и по-хиналугски. В результате благодаря его персональным усилиям было издано несколько книг на хиналугском языке. В частности, он перевел на хиналугский язык ряд произведений Низами и Физули. С именем Рагима Алхаса связано функционирование Хиналугского культурного центра (открыт 28.02.2001 г.). Фундаментальные аспекты грамматики хиналугского языка обсуждаются в Кибрик и др. (1972).

КРЫЗЦЫ

В 1994 ГОДУ ЧИСЛО НОСИТЕЛЕЙ крызского языка оценивалось в 8000 (селения Алык, Джек, Хапут и Крыз в Кубинском районе), хотя официальные данные (в переписях) отсутствуют. В селении Хапут насчитывается ныне 70 домов (10 лет назад – 120), в селении Алык – 50, в селении Джек – 50, в селении Крыз – около 30, что может составлять

приблизительно от 1000 до 2000 жителей.

Имеется одна группа из трех селений в Исмаиллинском районе, в которых, как сообщают, преобладают крызцы, хотя в них также живут азербайджанцы. Это селения Хаджихэтэмли, Моллаисаклы и Хапитли. Контакты между жителями этих селений и горским крызским населением отсутствуют. Зато очень высоко взаимодействие с азербайджанскими селениями и районным центром. В то время как в Хаджихэтэмли и Моллаисаклы существенное количество крызцев сохраняют язык, жители Хапитли почти полностью говорят по-азербайджански.

По сообщению А. Б. Кубатова [Clifton 2002: 61], имеется двадцать восемь новых селений в равнинных районах, объединяющих выходцев из Крыза, Будуха и Хиналуга. Существенное количество крызцев также проживает в Баку и Сумгаите.

Языком образования в крызских селениях всегда, в том числе и в советский период, был азербайджанский. В селениях Хапут, Алык, Джек и Крыз крызский язык является основным языком бытового общения. В селениях Исмаиллинского района это верно только для большинства жителей старше 30 лет. Утверждается [Clifton 2002: 63], что здесь не более 30 % младшего поколения говорит на крызском хорошо. Дети этих селений свободнее говорят на азербайджанском языке.

Хорошего знания азербайджанского в горных селениях дети не достигают даже в школе. Так, в возрасте 12 лет дети затрудняются в чтении и письме на азербайджанском языке. Большинство же жителей в возрасте от 18 до 55 говорят по-азербайджански хорошо.

Азербайджанский язык имеет высокий престиж даже в горных селениях. Что касается равнинных крызских селений, то здесь показательна судьба селения Йергюдж, которую описывает азербайджанский журналист **Камиль Пириев** : «В соседнем селе Йергюдж на сегодняшний день не живет никто – его последний житель выехал отсюда 8 лет тому назад.

Йергюджский язык, который являлся одним из диалектов гризского [крызского] языка, сегодня можно считать вымершим. Рассеянные по разным селам взрослые жители села Йергюдж хоть и помнят свой язык, но уже не пользуются им. А молодежь уже вовсе не говорит на нем, предпочитая использовать только азербайджанский».

В советское время такая ситуация находила свое идеологическое обоснование у теоретиков социолингвистики. Ср.: «Если малочисленная народность двуязычна, то обучение в школе можно вести и на втором языке, но обязательно с учетом желания самого населения. Например, в СССР очень малочисленные будухи (всего их около 3 тыс. человек) и крызы (около 6–7 тыс. человек) добровольно согласились обучать своих детей в школах на азербайджанском – национальном языке в Азербайджанской ССР, где они проживают» [Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. – М.: Наука, 1977. – С. 259]. Грамматические особенности крызского языка анализируются в Кибрик 2003а.

БУДУХЦЫ

ПОСЛЕДНИЕ ДАННЫЕ о численности будухцев приводятся в работе [Clifton 2002]: в селении Будух – 43 дома (десять лет назад имелось приблизительно 70 семейств), Пирюстю – 17 домов, Каб-Казма – 10 домов; Дели-Кая – 119 человек, Багбанлы – 1348 человек.

Население Будуха, как отмечается в литературе, сокращается вследствие плохих дорог и трудной экономической ситуации в горах Кубинского района. В последние годы многие семьи выехали, главным образом в Кубу или Баку, где есть возможность найти работу и где лучше условия для образования детей.

Одна из главных форм существования будухцев – животноводство. В течение советского периода будухцы входили в один колхоз с жителями Хиналуга и других соседних селений. В Будухе имеется школа с девятилетним образованием, в которой работают восемь преподавателей и обучаются 170 учащихся (классы – от 8 до 16 человек) [Clifton 2002: 51].

В селении Ергюч на равнине (5 км к западу от Хачмаза) насчитывается 9800 человек

(около 3000 семейств). Большинство в этом селе и в селении Сухтакаб составляют будухцы. В каждом из селений района имеется средняя школа до 11-го класса с азербайджанским языком обучения, что было характерно и для советского периода.

Полевые исследования специалистов Летнего лингвистического института в 2001 году показали, что в жизни селения Будух достаточно интенсивно используются азербайджанский и будухский языки. При этом приблизительно от 10 до 15 семей (из 43) используют дома только будухский язык. Все взрослые жители селения считают, что говорят по-азербайджански хорошо, за исключением нескольких очень старых женщин. Директор школы сообщил, что приблизительно 40 % школьников в Будухе не понимают азербайджанский язык до поступления в школу. Знание же русского языка среди женщин всех возрастов является в лучшем случае низким. Среди мужчин им хорошо владеют в основном те, кто служил в Советской армии.

В семьях, переселившихся на равнину, главным образом используется азербайджанский язык. Взрослые в этих семьях могут говорить по-будухски, но их дети используют только азербайджанский. Незнание молодежью будухского языка приписывают отсутствию письменной грамматики и официального алфавита. Большинство будухцев, живущих в городах (Хачмаз, Куба и Баку), говорят только на азербайджанском.

В литературе высказывается мысль о том, что будухский язык имеет низкий потенциал к выживанию, что в первую очередь связано с перемещением будухцев с гор на равнину и ухудшением экономической ситуации в регионе (население Будуха уменьшилось с 98 хозяйств в 1991 году до 43 в 2001-м). Об этом же рассказывал в эфире Радио Франс Интернэшнл журналист Камиль Пириев: «Одно из малых горных сел, где еще есть свой персональный язык, но с каждым годом остается все меньше знающих его, – Будуг. Председатель сельской администрации **Аслан Давудов** объясняет сложившуюся ситуацию плохим состоянием местных дорог. „Все магазины в горных селах сегодня закрылись. Народ вынужден преодолеть 50 километров по бездорожью и ехать в Кубу за покупками. А это очень дорогое удовольствие. Нужно восстановить инфраструктуру, хотя бы ту, что существовала в советское время“, – говорит он. В 50-х годах в селе Будуг было свыше 500 домов. Сейчас – только 50. И половина оставшихся семей тоже собирается переезжать. Нужда заставляет».

Никаких усилий по разработке будухского алфавита или издания на будухском языке предпринято не было. Возможно, полагают авторы обзора социолингвистического статуса будухского языка [Clifton 2002], знание родного языка не считается будухцами неотъемлемой частью будухской этнической идентичности. Из академических исследований по грамматике будухского языка отметим Кибрик 2003b.

У нас имеются сведения о проекте преподавания родного языка в Будухе, разработанном одним из местных энтузиастов, проживающих в настоящее время на равнине. Этот проект был одобрен отделом образования Кубинского района, но дальнейшего развития инициатива, по-видимому, не получила.

Приложение АРЕАЛ РАССЕЛЕНИЯ ЛЕЗГИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ⁸

ЛИТЕРАТУРА

- Айтберов Т. М. История войн закавказских аварцев. – Махачкала, 1996. (На аварском языке.)
- Айтберов Т. М. Закавказские аварцы: этнос, государственность, законы (VIII – начало XVIII в.). – Ч. I. – Махачкала, 2000.
- Айтберов Т. М. Закавказские аварцы // Народы Дагестана. 2002. № 1.
- Гусейнова Б. М. Расселение дагестаноязычных и других народов в Восточном Закавказье в XVIII – середине XIX в. – Махачкала, 2004.
- Дибиров И. А. Некоторые особенности дагестанских языков Алазанской долины. – Махачкала, 2000.
- Дибиров И. А. Лексические и морфологические особенности дагестанских языков Алазанской долины. – Махачкала, 2001.
- Зейдлиц Н. Этнографический очерк Бакинской губернии // Кавказский календарь на 1871 год. – Тифлис, 1870.
- Здравомыслов А., Цуциев А. Дагестан: социально-политические процессы 1997–1999 гг. // Бюллетень Владикавказского института управления. Выпуск 1 (5). – Владикавказ, 2000.
- Ибрагимов Г. Х. Цахурский язык. – М., 1990.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности: крызский язык. – А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя. 2003, СС. 592–599.
- Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности: будухский язык. – А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя. 2003, СС. 580–592.
- Кибрик А. Е. (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
- Кисриев Э. Национальность и политический процесс в Дагестане. – Махачкала, 1999.
- Курбанов М. Р., Юсупова Г. И. Лезгины: проблемы разделенного народа. – Махачкала, 1996.
- Петрушевский И. П. Джаро-белоканские вольные общества в первой половине XIX в. 1-е изд. – Тифлис, 1934; 2-е изд. – Махачкала, 1993.
- Услар П. К. Кюринский язык // Этнография Кавказа. – Том VI. – Тифлис, 1896.
- Фон Плотто. Природа и люди Закатальского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. – Тифлис, 1870.
- Хроника войн Джара. Примечание к ней Е. А. Пахомова. – Баку, 1931.
- Джавадов Г., Усеунов Р. Удилэр. Баку, 1999.
- Этнические дагестанцы в ближнем зарубежье / Отв. ред. А. К. Алиев. – Махачкала, 2001.
- Юнусов А. Этнический состав Азербайджана (по данным переписи 1999 г.). – Баку, 2001.
- Clifton J. M. (ed.) Studies in Languages of Azerbaijan / Ed. by John M. Clifton / Inst. of Intern. Rel. Acad. of Sciences of Azerbaijan / SIL International. – Baku – St Petersburg, 2002. Vol. 1.
- Clifton J. M. (ed.) Studies in Languages of Azerbaijan / Ed. by John M. Clifton / Inst. of Intern. Rel. Acad. of Sciences of Azerbaijan / SIL International. – Baku – St Petersburg, 2003. Vol. 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Михаил Егорович – заместитель директора Института языкознания РАН, доктор филологических наук.

Казенин Константин Игоревич – главный редактор информационного агентства REGNUM, доцент филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Сулейманов Мамед Сулейман оглы – журналист, корреспондент информационного агентства REGNUM (Баку).